

Александр Ясинский

ЭСХАТОЛОГИЯ

Александр Ясинский
Эсхатология

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Ясинский А. С.

Эсхатология / А. С. Ясинский — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Это было незадолго до того, как солнце перестало греть и обессиленное пало на Землю. Песочные часы Вселенной треснули и рассыпались, обратившись в прах, даже само Время состарилось и умерло. Также как и многие понятия, оно стало сытной пищей для червей. Свои права заявила темная эпоха безумных людей и странных деяний, Эпоха Тлена, если так будет угодно, именно о тех днях и пойдет наше повествование. Именно этот мир должен познать юный княжич, преданный, отравленный и покинутый. Преодолеть долгий путь, через странствия, лишения, узнать сладость любви и боль утрат, взросление, к воздаянию справедливого отмщения.

© Ясинский А. С., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Часть I: Поход славы

Это было незадолго до того, как солнце перестало греть и обессиленное пало на Землю. Песочные часы Вселенной треснули и рассыпались, обратившись в прах, даже само Время состарилось и умерло. Также как и многие понятия, оно стало сытной пищей для червей. Свои права заявила темная эпоха безумных людей и странных деяний, Эпоха Тлена, если так будет угодно, именно о тех днях и пойдет наше повествование.

Хмурые небеса сочлились незаживающей язвой на грязных и мокрых людей и животных там, внизу, а под колесами поскрипывающих повозок чавкала и хрустела напитанная дождевой влагой и древними костями земля.

Они миновали пользовавшиеся дурной славой развалины трактира «Сдохший Единорог», где по ночам все еще до сих пор восходило фиолетовое сияние. Дальше начинались грязевые пустоши.

Врата последнего, некогда величественного, но все еще обитаемого приграничного города имели исполненные вековой мудрости очи, и кто-то из путников, так, мимоходом, забавляясь, всадил преострый нож в одно из них, да, усмехаясь, продолжил путь, как ни в чем не бывало, а оставшийся глаз переполненный немой болью глядел ему вслед. Тем же вечером спина негодяя почернела, и тот скончался к полуночи в страшных мучениях. Вопреки сложившейся практике и здравому смыслу, никто не рискнул к нему притронуться, напуганные проклятьем товарищи осмелились остановиться на ночлег лишь, когда смердящий труп остался далеко позади.

Гейзеры кипящей грязи обвиняющими перстами тыкали в небо, запасы питья и продовольствия, не столь богатые изначально, теперь и вовсе стремительно таяли. Далеко позади осталось благословенное Пресное море, где с мыса им довелось наблюдать захватывающую картину яростного сражения между двумя кораблями и их кормовыми фигурами, пока удачливый победитель – деревянный зверь с топором в четыре человеческих роста не испил крови побежденных врагов под призывное песнопение благодарной команды. Потерпевший поражение мастер кормовой фигуры, не вынеся стыда, совершил ритуальное самоубийство, вскрыв себе вены, после чего, связывавшая доски магия иссякла и корабль, рассыпаясь, погрузился на дно.

Словно в какой-то доморощенной саге странствий, караван прошел мимо зажигаемого каждой ночью Маяка–над-Рифом, ловушки для беззаботных судов, и обитавшие там, в скученных селеньях, оборванцы плевались и кидали камни, опасаясь за награбленное годами. Мародеры заворачивались в гнилое тряпье, питались моллюсками, морскими червями, а то и утопленниками или дохлыми спрутами, которых порой выносило на берег. Они жили целыми семьями, влача нищенское существование, зато ходили в золоте, которое им негде было тратить, ибо алчность побуждала их не покидать насиженных мест.

Багровый диск солнца, это надтреснутое око создателя, закатывался за горизонт, окрашивая облака кровавым гноем, когда над головами путешественников величественно проплыло воздушное судно. Ветер хлопал в многочисленных парусах, каскадами струившихся по прямым крыльям, а может то паровые турбины, запрятанные глубоко в трюмах вращали лопасти кормовых пропеллеров, неважно, но судно плыло к неведомой цели, а загорелые лица воинов без интереса взирали свыше на потрясенных, ошарашенных людишек.

Но вот все скрылось в подступающих обволакивающих мгlistых сумерках, и наши путники, с облегчением вздыхая после долгой утомительной дороги, расслабились, предвкушая скорый отдых и сон, но их ждал еще один неприятный сюрприз, в виде неказистого с виду, длиннорукого человека, то ли зверя, шустро промелькнувшего у самой стоянки. Видевшие его, сея панику, утверждали, что это был так называемый «ночной убивец», доставали замусо-

ленные листки пергамента и хором бубнили начертанную ловкими мошенниками белиберду, якобы призванную оградить от таящегося во тьме зла. Другие потрясали бесполезными, так и не совсем амулетами.

Расстилая вещи, постельничий молодого господина неосторожно позволил себе зевнуть, не прикрыв рта ладонью, и дух, которые, как известно, роятся в местах погребения, моментально проник ему в гортань, легкие и завладел телом. Несчастного связали, чтобы не причинил себе увечий, но было уже слишком поздно: мозг его стал жидким и вытек через уши, нечестивое создание бесилось, силясь разорвать путы и пускало желтую пену. Повинуясь неписаному закону, жертву умертвили и разделили – мясо пошло на ужин в общий котел, а кости закопали, как приношение прожорливым подземным богам.

Отужинав и тайком вкусив еды и питья из собственных запасов, утомленные путники сгрудились у костров, предоставив смердам возможность удовлетворять свои животные инстинкты в породившей их тьме. И Констант, воскурив дурманящих трав, повел рассказ. История ночного убийцы вынырнула из забвения, колыхнувшись перед зачарованными слушателями вереницей бесплотных миражей. Кожаные шатры, протоптанные в кучах отбросов тропинки, сюда, ближе к центру, где на земляном возвышении – о, ужас! – взмах секирой и белокурая голова юноши скатывается, но в миг подхваченная десятком нетерпеливых рук в крещендо торжества взмывает ввысь. Добычей «чующих зло» стал застигнутый врасплох в собственной норе отпрыск греховной связи ведьмы и вороватого волкодлака. Но в следующее полнолуние – множество дурных знамений и змеиный яд в колодцах, повсюду смятение и страх. А где-то, незнакомая равных среди ведьм, жестокая bestия и безутешная мать, бормочет заклинания, помешивая булькающее варево. Среди маслянистых пятен и коросты плавают клочья рыжей шерсти, крупные ягоды. Ведьма хватает висевший на придорожном валуне тот самый череп, и опускает в вонючее варево, затем пронзает себе горло. Она отдает свою жизнь, во имя высшей цели, дабы мог появиться на свет вечный мститель, ночной убийца, и тот, возрожденный, поднимается из котла, обрстая плотью!

– Довольно пугать людей! Убийце нечего делать там, где уже есть один, – возмущенный звонкий голос надвое рассек ветвь повествования.

В наступившей тишине над осколками сказания становится слышна возня невольников: сладострастные вздохи, чавканье, звон цепей.

Сын князя Сандр, воспитанник престарелого учителя, Константа с любопытством взглянул на говорившего. Им, точнее ею, оказалась молодая девушка. Чарующие темно-карие, почти черные глаза глядели бездонным омутом, хранящим клокочущую дерзость и вызов, а морщинки, собравшиеся в уголках глаз, тем не менее, выдавали отходчивый жизнерадостный нрав. Ее лицо с высокими скулами и бледными тонкими, и от этого чуточку суровыми, губами, трудно было назвать привлекательным, но угадывающееся смешение двух кровей делало ее необычным, загадочно-притягательным. Остроконечный шлем, переходящий в кольчужную бармицу не скрывал выбивавшуюся черную челку. Выгравированная сова украшала цельную металлическую пластину на еще не сформировавшейся груди, прочее терялось в игре светотени переменчивого пламени костра, шевелении плащей, движении окружающих.

– Презренные пасынки суеверий, адепты глупости, – с жаром продолжала девушка, – вы горазды выдумывать досужие сплетни с целью оправдать собственные неудачи да мытарства, вызванные леностью! Конечно же, куда легче пенять на мифических злыдней, искать виновного рядом, а не в себе самом. Вот, к примеру, послушать вас, так опять виновата женщина, ее злобная воля! Вы – словно не состоявшиеся в плотской любви одержимые аскеты, шаманы моей таежной родины, знаете какую чудную расхожую байку, придумали они, дабы объяснить участвовавшие нападения невесть откуда взявшихся оборотней, тех которые у вас называют «нерожденными», и укрепить свою пошатнувшуюся власть? Разумеется, как всегда при патриархальном укладе общины, первопричиной опять таки стали мы, женщины, точнее наша якобы

похотливая натура! Дескать, она услада и бич нашего рода. Мол, те отсталые племена-стаи, что жили высоко в горах, занимались охотой да собирательством, ходили, в чем мать родила, да разбивали тупые головы друг дружки каменными топорами, стали заложниками частых морозных поветрий. Цивилизованный мир и без того погряз в склоках, чтобы еще придавать значение несчастьям каких-то там голозадых, а зря. Беды сделали их донельзя религиозными, и вот, впадая в экстаз во время камлания, дикарки принялись грешить со своими животными тотемами, умоляя мнимых покровителей о снисхождении, моля даровать могучее здоровое потомство, способное противостоять заразе. Ну и горячие просьбы, подкрепленные реальными действиями, не могли остаться без ответа.

Невольные слушатели затаили дыхание, потрясенные напором, откровенностью бесцеремонных высказываний. Никто не решался одернуть юную выскочку. Меж тем, речь незнакомки достигла кульминации.

– А у истоков всего этого бреда оказалась довольно скучная и неблагоприятная история о секте мужланов, промышлявших ловлей и приручением животных. Пленникам вырывали клыки, отстригали когти, а иногда и шерсть и запирали в клетки для каких-то ведомых только тюремщикам околонуточных целей. А потом, видимо, что-то не доглядели и весь сумасшедший, жаждущий крови зверинец оказался на свободе. И что же, когда тщательно скрываемая правда открылась, кто-нибудь принес извинения беспочвенно охаянным, битым и униженным девушкам и женщинам? Отнюдь! Мужики лишь поджали губы и лицемерно промолчали, мол, не вашего ума дело, знайте свое место!

Девушка задохнулась от обуревавшего ее волнения. Сандр обратил внимание, что щеки ее стали розовыми, и капля пота застыла на виске, тонкие пальцы, сжимавшие простую рукоятку небольшого, игрушечного на вид меча побелели. Однако внутреннее волнение придало ее облику приземленный, более привлекательный вид, лишило ореола таинственности, сделало доступной, и Сандр почувствовал, как в груди его зарождается тяга, опускающаяся тугим шаром к низу живота, заставляющая пьяно кружиться голову.

Он встал и последовал за стремительно развернувшейся и покинувшей под возмущенное перешептывание собрание очаровательной незнакомкой.

Он догнал ее и ухватил за локоть. Та обернулась резко, отдернув совсем не слабую – да и откуда было взяться безволию в этом не по девичьи гибком и сильном, как теперь Сандр явственно видел, теле молодой хищницы, – руку.

– Прости, я не хотел пугать тебя, мне следовало бы понять, что жизнь и так не была приветлива с тобой, – только и мог промямлить сбитый с толку Сандр, а потом и вовсе не в тему добавил. – А сова, должно быть, является твоим охранительным талисманом?

Девушка не обиделась, лишь презрительно фыркнула, продемонстрировав ошеломленному Сандру острые резцы.

– Дурашка! Это же герб, символ. Сова – мудрая стремительная птица, легендарная хозяйка темной стороны неба. Невидимая и неотвратимая. В бытности наемные убийцы, мой клан теперь поставляет самых лучших телохранителей по обе стороны Уралагских гор. Впрочем, на сегодня хватит историй.

Она сделала попытку продолжить путь среди раскиданных вещей, спящих и возящихся там и тут людей в глубь лагеря, но Сандр вновь удержал ее.

Она обернулась на этот раз уже рассержено, выхватывая – нет, не меч. То, что Сандр издали принял за символическую игрушку для отпугивания воров, на самом деле оказалось внушающим уважение длинным и вострым кинжалом. И, по всей видимости, незнакомка прекрасно владела им, и, не раздумывая, готова была пустить в дело. Сандр поспешно поднял руки, делая шаг назад.

– Но погоди! Задержись, останься у моего огня сегодня ночью. Я понимаю, что столь уверенной в себе воительнице нечего бояться, нет, я приглашаю разделить гостеприимство, а не навязываю защиту.

Девушка вопросительно приподняла бровь.

– Ты интересная, красивая... Очень красивая, и мне была бы приятна твоя компания.

Она вдруг весело рассмеялась. словно радуга проступила сквозь тонкие струи слепого дождя, подумалось Сандру.

– Ах, вон оно что! Что ж, я учту. Спасибо за приглашение.

– К тому же я раньше не видел тебя и до сих пор не знаю твоего имени, только приблизительно догадываюсь, откуда ты родом, но ведь этого не достаточно.

– Зато я знаю твое, княжич Сандр, и этого поверь мне больше чем достаточно! Все твои мальчишеские попытки познакомиться не более чем долгая и нелепая прелюдия к предложению разделить с тобой ложе. Я постарше тебя и кое-что понимаю в жизни, кроме пустых забав, да пирушек. Вы, испорченные северные князья, все одинаковы, только вот ничего не выйдет – я не твоя вотчина, да и слишком многое поставлено на кон, и покуда старший в роду не обзаведется наследником, потеря девственности, по сути, означает брошенный прямому наследнику вызов, и смертный приговор не заставит себя долго ждать.

– Но хотя бы подай мне надежду, что мы вскоре увидимся вновь.

– Надежда – это миф, что выдумали люди на заре времен. Всему свой черед, не торопи события, и спокойной ночи, мой пылкий князь.

– И все же! – вскричал Сандр. – Ты без ножа ранишь меня!

– Увидимся, еще не раз увидимся, – донеслось от удаляющегося силуэта.

– Морошка, ядовитая немножко, от боли в правом боку, одолей-куст, от сглаза, зависти и заразы, толченые когти трупоеда, эх, хороши для старого непоседы! – бормотал Константин, сидя на корточках копаясь во внутренностях своего раскладного походного ящичка. – Так, а что здесь? Немного топленного моржового жира на дне свинцовой бутылки, чтобы девки старика Константа любили, – он взболтнул содержимое, приложил к уху и уже вполне серьезно прибавил. – Думаю, этого должно хватить, чтобы дотянуть до дому в добром здравии мне и молодому господину.

Этих млекопитающих добывали так далеко, что Сандр, путешествуя, наблюдал их, а точнее его, лишь однажды, да и то среди диковинок бродячего цирка. Волшебный фонарь являл притихшим в темноте зрителям различные образы, далекие и причудливые, бывшие былью и выдумкой. Вот, тяжело опираясь на кривые толстые лапы на лед выбирается морж, он беззвучно разевает пасть, ворочая безглазой заплывшей жировыми складками головой. Отважные охотники – лилипуты по сравнению с этой живой горой сала, своим видом внушающей удивление, но никак не уважение, подсказывают, размахивая гарпунами, клыки зверя стремительно обрушиваются вниз и... а дальше, цилиндр завершал оборот, и все начиналось с начала под разочарованные выдохи обманутой в своих надеждах публики. Как бы то ни было, не смотря на все трудности, сопряженные с добычей, снадобье, получаемое из неспешных великанов-одиночек, большую часть своей жизни скрывающихся под водой, было бесценно. Оно, как ничто более в свете, насыщало организм, обладало ранозаживляющим действием, помогало противостоять недугам порченных земель и непогоде. Согревало в дороге бесстрашных искателей приключений и партии промысловиков, что бродили до самого ледового побережья в поисках бивня мамонта и китового уса. По меткому изречению мудреца, не будь ледяных моржей, люди не отважились бы высунуть носа за ограды своих укрепленных форпостов.

Заложив большие пальцы за ремень, Сандр подчеркнuto невозмутимо наблюдал за его возней, почувствовав присутствие, Константин поднял глаза.

– А, молодой господин вернулся, – он ухмыльнулся беззубым ртом, в седой бороде застряли крошки.

- Я повстречал ее, – безапелляционно заявил Сандр.
- Кого? – не понял старик.
- Ее. Девушку своей мечты, возможно, даму сердца.
- И где она? – Константин недоуменно pokrutil башкой, затем его лицо приобрело лукавое выражение. – О, сдаётся мне, что гостей нам сегодня вечером ждать таки не придется. Мечта оказалась чересчур приткой для привыкшего к легким победам княжича?
- Сандр побагровел. Весь его романтичный, возвышенный настрой как рукой сняло.
- Что ж, заварить тебе успокаивающих трав на ночь, мой мальчик?
- Завари себе... клизму! – в сердцах бросил рассерженный княжич.

В беспокойном сне Сандр вновь перенесся к воспоминаниям раннего детства – то был обжигающий жар и липкая кровь, чьи-то полные ужаса крики, щемящее чувство утраты, безжалостно разорванных объятий и сменившая все глухая обида, злоба, выкристаллизовавшаяся в ненависть, которая, затаившись, с годами лишь выросла и набирала силу наравне с его телом, негасимо тлея глубоко в зарубцевавшемся сердце. Эта дикая ненависть, ненависть яростная и бешенная, сменявшаяся приступами беспомыслия, порой вырывалась из своего мрачного логова, пугая сверстников и воспитателей. К счастью такое случалось редко.

Весь в противном холодном поту он проснулся и долго смотрел, как луна светит украденным за день светом.

Бездетный потомок череды кровосмесительных браков, одряхлевший раньше положенного князь Сандр, призрел несчастного сиротку, назвав приемным сыном, отдал на попечение мудрого Константа, у которого и сам когда-то ходил в воспитанниках, и в течение всей недолгой жизни проявлял теплые отцовские, а порой и весьма сомнительные чувства. Как бы там не было, сейчас он был при смерти, возможно уже стоял у кованых врат ведущих в обитель подземных богов, гонец донес тревожную весть, когда они гостили у князя Медвежьего Дола. К слову сказать, Сандр был по горло сыт дикими забавами тамошних вельмож, руки и торс его до сих пор носили глубокие отметины и постоянно нагнаивающие порезы – памятные знаки низменных, чуждых всякой утонченности забав, от которых нельзя было отказаться, – а потому, с нескрываемым облегчением наши послы, тут же, без промедления, собрались и с попутным караваном отбыли на родину в благословенный Древоград, где Сандру надлежало унаследовать имя и титул старого правителя, если конечно все пойдет как надо. Сандр без особой трагедии воспринимал скорую кончину приемного родителя. Конечно, он был, безусловно, благодарен престарелому князю за то, что взял на воспитание, дал образование, не позволил просто сдохнуть в какой-нибудь помойной яме, но, тем не менее, за все года проведенные вместе он так и не научился понимать и любить замкнутого, скрытного отца.

Поворочавшись, он вновь уснул в сиянии звезд, которые были давно мертвы, но люди не ведали этого, а посему не оплакивали, а ночь съедала сама себя, и все было удивительно спокойно и мирно, и наступил рассвет.

Скорбные поля погребений остались позади. Теперь они вступали в населенные людьми и зверьем края, а вскоре показалась и наметившаяся дорога. Как верный признак того, что они на правильном пути из предрассветной мороси начали возникать столбы и колонны, где в былые времена огни указывали путь странникам. И до самых пригородов ничего не случилось, только какой-то оборванец, из множества тех, что обычно плетутся за караваном ища поживы, пал замертво от голода, произошло сие ровно в полдень, когда солнце, наконец, проглянуло через дождливую завесу. Но этот малозначительный инцидент не привлек достойного внимания.

Древние пригороды, вымершие посадки. Здесь никто не селился. Поросшие вьюном оползающие серые пятиэтажные коробки, за ними непосредственно начинал расти город: заброшенные траншеи, бункера из промерзших бревен, дома из дерева и добротного кирпича. К обочине дороги робко потянулись первые встречающие, стайки толстопузых ребятишек, оде-

тых легко и пестро, по-весеннему, мужики в плащах и ватниках, старухи в лохмотьях требовательно выпрашивающие подачку хриплыми каркающими голосами, любопытствующие таращились из окон. Не было видно девушек, и практически женщин – князь создал себе темную и прескверную репутацию. По каким-то меркам приглянувшихся крестьянок хватили прямо на улице и тащили в хоромы, где подвергали бессовестному медицинскому осмотру. После чего бедняжка бесследно исчезала, чаще, конечно, их отпускали с миром, но это было то еще удовольствие, побывать в лапах презренных эскулапов и быть опозоренной на всю оставшуюся жизнь. Из тех что пропадали бесследно вернулась лишь одна – веселая толстушка содержательница кабака на площади Трех Замученных Собак. Вернулась, лишившись прекрасных своих волос, оскальпированная и тихо скорбно мычащая, ибо те, что в тереме отрезали ей язык.

Сидя в задрапированном шкурами паланкине Сандр размышлял на тему того, как должен будет вести себя в присутствии умирающего, как достойно вступить на трудную и ответственную стезю управления. Буйволяк тяжело ступал под аккомпанемент несмелых приветствий, воняя мокрой шерстью и навозом. Так же тяжело и мучительно ворочались мысли в голове юного князя. Ему не давала покоя та таинственная незнакомка, ее образ постоянно затмевал планы, путал заученные тексты речей, создавая абракадабру из слов. Нужно было, во что бы то ни стало разыскать ее, но Констант получив задание лишь помалкивал, его низкорослый ослик мелькал то там, то тут, старик заводил разговоры с купцами, наемниками, охранявшими караван, но так и не соизволил подъехать к молодому господину, более того, пару раз Сандр ловил его недоуменный, а то и озабоченный взгляд.

На центральной площади они отделились от процессии, которая последовал к рынку, где более-менее значимым персонам предстояло привести себя в порядок с дороги, а после явиться с дарами и приветствиями ко двору. Терем являл собой просторное прямоугольное трехэтажное здание, с облупившейся маковкой, прочное и суровое. Толстые стены родового гнезда древоградских князей хранили следы непогод, щербинны от стрел и каменных ядер, окна первого этажа заложены надежной кладкой. Поднимаясь по змеившимся сетью трещин каменным ступеням, Сандра неприятно кольнуло выражение плохо скрываемого высокомерия на суровых лицах почетной стражи, выстроившейся плотным строем по обе стороны подъема. С капюшонов капали нескончаемые дождевые слезы, видно не мало времени караул простоял без смены, но в глазах читался энтузиазм и азартное предвкушение. Предчувствие овладело княжичем, заставив болезненно сжаться живот. Весь на нервах он порывисто вошел, вернее, вбежал в приемный зал, отталкивая слуг пытавшихся раздеть и всячески угодить усталому хозяину.

Предчувствие не подвело его, да что там предчувствие, он просто слишком поздно обратил внимание на все недвусмысленные знаки, поведение людей, обстановку торжественности и едва сдерживаемого взрыва. Там где должно было располагаться деревянному креслу, стояла ржавая железная бочка. А в бочке покоилась забальзамированное и пересыпанное солью тело князя. Судя по всему, случилось это еще несколько дней назад.

Сандр устало опустился на колени, прислонился лбом к стенке бочки, обхватил ее руками, все напряжение внезапно ушло, оставив пустоту, на дне которой лежала нежданная скорбь.

Неизвестно сколько простоял он так, никто не мешал ему, наконец, он почувствовал первые ростки успокоения, даже облегчения, что все решилось само собой, и теперь можно плыть по течению событий. Где-то в глубине души зарождалось опьяняющее чувство восторга, гордости от осознания того, что теперь он больше не княжич, а князь. Древоградский князь! Странно вообще, что он расстроился! Наверно, это было просто усталость и стресс последних часов. Долгая скорбь над почившим – по существу вызов иллюзорности бытия, оскорбление, брошенное в невозмутимый лик Грезящего бога. А тут еще такая удача, из грязи – в князи! Чего изволите, князь, не соблаговолите, князь. Почти князь, поправил он себя, осталось одно, по сути формальное, но от этого отнюдь не маловажное мероприятие, но в благополучном исходе его

он был заранее уверен, даже не задумывался, не придавал тому значения, соратники и слуги отца помогут советом, поддержат плечами, не он первый и не он последний кто следовал пути этому, так было заведено испокон веков.

Он понял, что продрог. Вместительный камин, располагавшийся за креслом, всегда жарко натопленный, теперь не работал, разинув почерневший беззубый рот. Сандр поднялся и обернулся. В зал вошел запыхавшийся Константин, плотно притворив двери, подошел к бочке, заглянул внутрь. Вздохнув, закрыл глаза, а когда открыл, в них не было и тени вечной насмешки, искорки лукавства или озорства, только почтительность.

– Итак ...князь? – промолвил он, отвечивая легкий поклон.

В приемной палате было многолюдно, однако Сандру, на памяти которого еще были свежи картины другой обстановки, она показалась чужой, осиротевшей и разграбленной. Сандр с тоской вспомнил, какое безудержное веселье и разгул царили здесь в золотые деньки детства, когда вместе с отцом они залихватски палили из открытых окон по окрестным крестьянам, наряженным в косматые шкуры, с рогатинами наперевес изображавших разбойников, покудова музейные экспонаты один за другим не пришли в негодность. Массивные комоды, эти суровые вместилища удивительного собрания кабинета курьезов, содержать который почитал за должное каждый мало-мальски уважающий себя князек, прозрачные витрины, с заспиртованными в стеклянных колбах всевозможными уродцами, пиршественные столы – все исчезло.

Закопченные факелами голые стены зияли унылыми пятнами снятых охотничьих трофеев.

Констант цепко ухватил его за локоть, гася готовую сорваться вспышку законного возмущения. Сандр огляделся: присутствовала практически вся верхушка знати, важные бородастые бояре, упитанные главы купеческих гильдий, суровые военачальники. Особой группкой выделялись послы, среди которых Сандр с возрастающим интересом заметил высокого поджарого мужчину обритого наголо, с печатью сурового аскетизма на недовольном челе. В присутствии столь нежданно объявившегося высокого наставника, местное древоградское жрецство из числа просветленных, наспех облачилось в предписанные учением оранжевые туники, мятые, видимо извлеченные в великой спешке из пыльных сундуков. Сандр не смог сдержать улыбку при виде их посиневших от холода ступней, обутых лишь в узкие сандалии, лентяи и обжоры сейчас напоминали дрожащих и переминающихся на пронизывающем ветру домашних гусаков.

Перехватив улыбку юноши, худой нахмурился еще больше, и без того длинная шея его вытянулась пуще прежнего, но тут Сандра объявили, и по лицу его удивительным образом разлилось спокойствие и умиротворение, смывая гримасу недовольства. Все вежливо склонились. Сандр важно, как подобает без пяти минут князю, проследовал на середину палаты, где к своему раздражению обнаружил еще одну навязчивую деталь культа.

На низком деревянном столике восседал скрестив ноги блестящий толстопузый и толстощекий бронзовый божок. Грезящий отрешенно полуприкрыл глаза, в уголках губ блуждала тень блаженной улыбки познавшего абсолютную истину, мочки ушей оттянуты к плечам. Воздух вокруг безнадежно испорчен множеством ароматических палочек воткнутых в горшки с песком.

Последовал сухой и формальный обмен приветствиями, Сандр откровенно скучал и временами чихал, когда навязчивый приторный аромат щипал ноздри. Все это время тощий жрец не менял выражения лица, оставаясь точной копией своего божка, однако взгляд его, изучающий и внимательный, буравил Сандра, а цепкие пальцы шустро перебирали четки с наполированными до зеркальными блеска металлическими гайками. Когда же до него дошла очередь, он шагнул вперед и произнес сухим голосом похожим на треск гнилой ткани:

– Светлейший князь Урга, защитник веры и податель блага, приветствует тебя, о, князь, моими устами! Мир тебе. Я – Дмитр, настоятель северных епархий от имени Андроникса, двоюродного брата твоего почившего отца, пришел засвидетельствовать свою почтение и выразить надежду на то, что приемник славной череды древоградских правителей также будет чтить волю Грезящего и достойно подтвердит право на княжеский стол и венец. Я привез дары.

Дмитр небрежно махнул рукой, и по удару гонга в палату вошли послушники, неся тюки с желтыми свечами и ритуальной утварью, на лбах у них красовались нарисованные красной краской знаки смирения.

Воспрянувший было духом Сандр вновь напустил на себя кислую мину. Князя, представители высшего правящего сословия, купцы и воины по традиции исповедовали безбожие, разбавленное угасавшими огарками древних родовых механических культов. Духовники: монахи и проповедники религии Грезящего, напротив нашли горячую поддержку в широких кругах простого, и в особенности – обделенного жизнью люда. Само по себе учение, несшее надежду на посмертное лучшее существование при условии соблюдения всех предписанных обетов и ритуалов, не представляло прямой угрозы сложившейся системы, но в нем таилась такая мощная антигосударственная склонность, которая со временем проросла во взаимную неприязнь, нетерпимость, обернувшиеся в дальнейшем неоднократными столкновениями. Конфликты выливались в не угасавшие бунты, покушения, перевороты, где было и великое самопожертвование и не менее великая низость. Так было пока две власти – правящая светская и духовная, господствующая в умах, не научились сосуществовать в новой системе, помогая и дополняя, взаимопроникая, или, по крайней мере, не мешая одна другой. А посему столь явное выпячивание собственной значимости заезжего выскочки, как бы он там себя напыщенно не величал, граничащее уже с прямым неуважением к наследнику власти, так покорило Сандра. В глубине души он решил, что стоит непременно разобраться и с этим зарвавшимся жрецом и поставить на место всю здешнюю распоясавшую шатию. Он научит их всех должному уважению! А пока, мужественно взяв себя в руки, он подчеркнуто сухо произнес:

– И тебе мир, э-э... наставник. Я с удовольствием принимаю поздравления своего царственного дядюшки, равно как и дары. Ты прибыл как раз во время, чтобы принять участие в подготовке поминальных игрищ.

Главный духовник заметно оживился, и, подвинувшись, покровительственно и даже как-то фамильярно зашептал на ухо Сандру:

– Как раз об этом ваше сиятельство, я и уполномочен побеседовать с вами от имени вашего дяди, да благословит его Грезящий. Я предлагаю вам собрать военный совет сегодня же вечером, не откладывая дело в долгий ящик.

– Да будет так, – согласился заинтригованный княжич. – А теперь, любезные друзья, я объявляю собрание закрытым. Вечером, как только часы пробьют семь, я желаю посетить воинский лагерь, где ожидаю увидеть всех воевод и славных богатырей, дабы разработать стратегию подготовки к игрищам в честь поминовения моего венценосного предка.

Сандр по возможности величаво проследовал к выходу, с удовлетворением подмечая, как нехотя склоняются в поклоне головы подданных. Сердце выпрыгивало из груди от торжества момента. В это самое время, когда слуги уже распахнули перед ним двери, рядом раздался знакомый голос:

– Мой, господин, дозволю обратиться.

Мельком взглянув на говорившую, он коротко махнул рукой, делая знак следовать за ним. Конечно, он помнил эту высокую немолодую сухопарую особу, с совершенно лысым, как шар черепом, в неизменном наглухо застегнутом строгом темно-синем платье со стоящим воротником, с теми же неизменными скорбными линиями в уголках рта, и все с той же цепкой хваткой узких пальцев, когда в коридоре она взяла его под локоть. Слегка поморщившись, он лишь продолжил неспешно путь, как подобает владыке, отработывая походку.

– Сандр, мой милый мальчик, как рада я тебя вновь видеть, – заворковала Мара, ключница и поверенная всех гнусных тайн покойного папаша.

Сандр удивленно поднял брови и едва не сбился с шагу. С каких пор он стал милым мальчиком для этой карги не раз гонявшей его за невинные ребяческие шалости, и продолжавшей педантично доносить обо всех проделках князю, на которые тому по большей части было откровенно плевать? Ах да, спохватился Сандр, теперь он номинально хозяин всей древоградской берлоге, и старая плесень справедливо боится за свою морщинистую шею. Сандр сладко улыбнулся и повернул сияющий лик к Маре.

– Что ж, слушаю, матушка, – елеинным голоском пропел он.

– Это истинное благословение для княжества, что во главе его станет такой умудренный не по годам, не юноша, но муж, – растеклась в лести ключница. И быстро оглянувшись, продолжила, похабно прижимаясь боком к Сандру, – Ты же знаешь, как хорошо я относилась к тебе в детстве, а что была, как могло порой показаться излишне строгой, так это чтобы не подать виду, как ты уже тогда мне нравился, русоголовый сорванец! Теперь же, я думаю, и вовсе должны исчезнуть те недоразумения, которые могли возникнуть когда-то между нами. Если тебе будет угодно, сей же ночью я приду поправить постель и взбить подушки, а так же ввести в курс дел, которые вел князь, да сохраниться его образ нетленным.

Неизвестно, каких усилий стоило Сандру в нахлынувшем приступе гадливости не отпрянуть от старой потаскухи. Нет, нужно непременно избавиться от этой твари, и чем скорее – тем лучше, подумалось ему. Не поддав виду, он лишь мягко, но настойчиво высвободил руку и, повернувшись, промолвил:

– Я ценю, твое рвение, матушка, что ж – не будем тянуть время, ты можешь обсудить все дела, будь то хозяйственные или государственные, в чем я сомневаюсь.

Все поняв, Мара отстранилась, вмиг превратись в черствый сухарь оскорбленного достоинства.

– Вот ключи, – холодно произнесла она. – Я должна сопроводить тебя по всем помещением, опочивальням, кладовым, показать учетные записи, помимо всего множество решений требуют высочайшего утверждения...

– Я полностью доверяю тебе во все, – облегченно отмахнулся Сандр, – и если это все, о чем ты хотела мне поведать...

– Так же есть одно дело, не терпящее отлагательств, – в свою очередь со столь свойственной ей бесцеремонностью перебила Мара, – и поверь, речь идет о жизни и смерти.

Сандр недовольно скривился, будет ли конец, этим назойливым приставанием? С другой стороны, он просто не знал, куда направить кипевшую в нем жажду деятельности. Может, правда заняться тем, что подскажет более сведущая в домострое Мара, при условии, конечно, что та перестанет цепляться за свое место столь недостойным образом и хоть немного научиться манер.

– Пошли все вон! – оборотившись, каркнула Мара на следовавших в нескольких шагах слуг и охранников.

И осеклась, когда Сандр смерил ее долгим пристальным взглядом.

– Все свободны, а ты, Констант, останься.

– Как скажешь, Сандр, – отвечив тот, подходя.

Констант сменил дорожные одежды на домашнюю меховую тужурку, распашной халат и кальсоны с начесом, церемониальный резной посох заменял привычную изогнутую палку.

– Доброго здоровьица, Мара, годы все так же бессильны над твоей красотой, – приветствовал он ключницу. Пряча смех, Сандр притворно закашлял в кулак, что, однако не укрылось от выцветших голубых глаз.

– И тебе доброго, мастер Констант, долгое путешествие ничуть не отразилось на твоём растущем брюхе, – зло процедила она.

Констант наигранно похлопал по объемистому животу:

– Нисколько, матушка, а все потому, что желчь способствует утончению организма, благожелательность же, наоборот, как бы распирает человека изнутри.

– Прошу за мной, если только благожелательность мастера Константа позволит тому протиснуться в коридоры погреба, – съязвила Мара и повела их за собой.

– Знаешь, Мара, – спустя какое-то время не выдержал Сандр, которому быстро наскучило постоянно стучаясь макушкой о низкие притолоки пробираться по заставленным припасами кладовым. – Честно говоря, я не такой уж и большой знаток заплесневелых окороков или методов засолки рыбы.

Будь на месте ключницы кто угодно другой, Констант не замедлили бы разразиться нудными поучениями о том, что правителю надлежит быть рачительным хозяином, разносторонним в интересах и, особенно, образованности. Но поскольку престарелый ученый и ключница издавна недолюбливали друг дружку, то он лишь одобряюще хмыкнул.

Мара проворно обернулась, полная решимости отпустить ответную шпильку, но передумала, лишь промолвила вдруг усталым глухим голосом:

– Потерпите, еще немного и вы все сами увидите.

И согнувшись, пошла по туннелю, освещая дорогу трехрогим канделябром.

Сандр бросил взгляд на Константа, но тот лишь пожал плечами, они как раз проходили мимо составленных в два ряда бочонков с пивом, и страждущий взор, равно как постояннодвигающиеся в поисках подходящей посуды руки, красноречиво свидетельствовали о том, что учитель в настоящий момент далек от всего земного.

Наконец дорогу им преградила внушительная железная дверь, с прорезанным на уровне пола небольшим прямоугольным оконцем. Сандр удивленно поднял бровь.

– Это чтобы передавать обеда, не тревожа лишний раз мастеров, – пояснила Мара, громко гремя в замке ключами.

– Чем же они там занимаются? – не удержался Сандр, прямо таки сгорая от любопытства.

– Как я уже говорила делом, требующим твоего князь, безотлагательного внимания.

Вслед за Марой они оказались в просторном овальном зале, с высоким потолком, освещенном голубоватым пламенем бьющем из газовых горелок. Ниже них вдоль стен располагались спальные места, неряшливый обеденный стол, распакованные тюки с личными вещами и какими-то инструментами, из глубины доносился звук непрерывно льющейся воды. В центре находилась конструкция, заключенная в леса, от которой к ретортам и бакам тянулись многочисленные трубочки и шланги, дымились в курильницах сушеные травы, смешивались порошки, разложенные хирургические инструменты холодно блестели, застыв наготове, булькала в змеевиках разноцветная жидкость, хлопало, шипело и потрескивало, запах стоял невообразимый, от всего этого голова буквально шла кругом. И среди всего царившего в помещении упорядоченного беспорядка совершенно терялись его творцы и подлинные хозяева – эскулапы. Сандр насчитал четырех или пятерых, без усталости сновавших, что-то подправлявших, снимавших показания, спонтанно собиравшихся в кучку, чтобы обменяться отрывистыми репликами и тут же распасться, служителей полулегального культа Эскулапа.

Лавируя меж предметных столиков, задевая протестующее дребезжавшее оборудование, они начали неблизкий путь в центр зала, изнывая от любопытства. Наконец, провожатая остановилась.

– Вот. Пришли.

Сандр нетерпеливо выглянул из-за ее плеча.

– Что за...! – только и смог ахнуть он.

И действительно зрелище того стоило.

Оплетенное удерживавшими его в вертикальном положении жгутами, все утыканное вонзавшимися в истерзанное тело иглами и трубочками в двойной раме висело странное существо.

Вид его был дик и страшен. Разум отказывался охватить всю картину целиком, представлявшуюся мозаикой из изуродованных, то вполне нормальных, а то и вовсе не лишенных привлекательности человеческих фрагментов, скрепленных зажившими рубцами и расходящимися швами. Но все же, то, что предстало перед ними, без сомнения являлось обнаженной женщиной средних лет, если применять такое название к истерзанному куску мяса. И она или оно жило! Существо подняло истерзанный взгляд на юношу, из глаз его текли ручейки слез, и в этих, тем не менее, сияющих пронзительной голубизной прекрасных зрачках юный князь прочел всю боль и несправедливость мира. Дрожа, женщина с видимым трудом разлепила полные чувственные губы, но ни один звук не вырвался наружу, лишь натужное свистящее дыхание. Роскошная черная прядь над левым виском медленно отошла, обнажая кровоточащую плоть и с непередаваемым отвратительным мокрым шлепком упала на пол.

Сделав невероятное усилие, Сандр сглотнул и отвел взгляд. Его колотила нервная дрожь, пальцы на правой руке произвольно дрожали.

– Будущая невеста покойного князя Лада! – торжественно с издевкой провозгласила Мара. Она откровенно упивалась происходящим: тем, какое впечатление произвело увиденное на спутников, равно как мучениями жертвы. – Теперь, как я уже понимаю, бывшая, – закончила она с непонятным злорадством.

– Но этого просто не может быть! Отец никогда не интересовался... – начал Сандр и осекся.

– Видать плохо знал ты покойного, – Мара обернулась к нему. – Он вечно был в поиске, все стремился найти, создать ту единственную, уникальную, без изъяна, идеальную. Уделяя внимание лишь красоте физической, вымышленной и мнимой, не считаясь с духовной составляющей... К прискорбию, не замечая тех, что рядом, – грустно закончила она.

– Но эти, с позволения сказать, опыты... – промямлил Сандр, он не находил слов. – Они...они просто противоестественны, они отвратительны!

– Это правда, Мара, – поддержал его Константин. – При всем моем уважении к науке, равно, как и к памяти покойного, как такое могло быть и твориться в тайне! Конечно, ходили нехорошие слухи, но всей правды предположить никто не мог. Нам нужно что-то делать с бедным созданием, со всем этим.

– Так делайте! *Вы* же теперь главные, князь и советник, воспитанник и воспитатель, делайте! Решайте, вот вам наследие горячо любимого папочки. А я умываю руки, у меня и так предостаточно забот по хозяйству не требующих отлагательств, и они, поверьте, важны куда более всего творящегося здесь безобразия!

От объемистой связки висевшей на поясе она отстегнула тяжелый бронзовый ключ и протянула извечному сопернику.

– Теперь, юный князь, Лада – *твоя* забота, и, надеюсь, это пойдет тебе на пользу. Не превозноси же себя плохо скрываемыми насмешками над старшими, повидавшими жизнь и вдоволь хлебнувшими лиха. Тебе еще многому предстоит поучиться, так начни прямо сейчас!

И гордо подняв голову, оскорбленная женщина демонстративно направилась к выходу, оставив спутников недоумевать.

Констант озадаченно пожевал бороду.

– Вот уж не ожидал такого от Мары, – смущенно промолвил он.

– Правда, Константин, учитель, что нам надлежит предпринять?

Но тот не успел ответить.

На Сандра внезапно налетел обезумевший эскулап, облаченный в заляпанную пятнами рясу, откинутый назад капюшон открывал обтянутый желтушной кожей череп и пару воспаленных фанатично блестящих глаз.

– Наконец-то, где же вас носило?! – завопил он, буквально тряся оторопевшего юношу за грудки. – У нас серьезные проблемы с некрозом тканей над носовой и лобной костями! Кроме

того, наблюдается прогрессирующий парез нижних конечностей, срочно нужны препараты, вот – я подготовил подробный список!

Он потряс зажатым в побелевших пальцах таким же засаленным, как и его одеяния, листом пергамента. Сандр болтался безвольной куклой с выпученными глазами в цепкой хватке, брызгая слюной, взбешенный эскулап продолжал:

– И донорский материал, много, слышишь, много материала! Любого, хотя бы временно, пока процесс не приобрел необратимый характер, а тогда неминуемо придется начинать все опять сначала! Годы работы, опытов, исканий, усилий и треволнений, все, слышишь, все пропадет! Где князь? Почему он не приходит? Слушай сюда, необразованный мальчишка, забери перечень и немедленно отправляйся к Сандру-старшему. Пусть явится как можно скорее. И больше не появляйся, тебе здесь нечего делать, еще занесешь инфекцию или разобьешь какую-нибудь колбу.

Он с силой оттолкнул юношу в сторону, в это время что-то бухнуло, и помещение начал заполнять едкий запах. Сунув пергамент, эскулап скрылся, оглашая воздух гневными воплями.

Сандр неуверенно сделал пару шагов, затем ноги сами понесли его, и он стрелой вылетел за дверь.

– Закрывай! – только и крикнул он едва поспевающему следом Константу.

Прислонившись спиной к холодному сырому металлу, он устало сполз на корточки. Его бил озноб, в груди вокруг сердца сомкнул ледяные когти холод.

Констант озабоченно склонился над ним, держа открытый стеклянный флакон со снадобьем.

Постепенно Сандр успокоился, в горле пересохло, но холод отступил. С превеликим трудом он сглотнул.

– Дай мне ключ.

Какое-то время Сандр молча вертел ключ в руках. Это было тяжелое, все в причудливых литых завитушках и зубчиках, размером превышающее ладонь взрослого мужчины изделие искусных кузнецов.

Констант неуверенно переминался подле, не зная, что делать, и не решаясь заговорить. Невольный свидетель случившегося позора чувствовал сейчас себя едва ль не хуже самого князя. Наконец, Сандр прервал затянувшееся молчание, и голос его был спокоен и отчетлив.

– Завтра, едва забрезжит рассвет, ремесленники откроют свои мастерские, – нет! это слишком долго, – прямо сию же минуту ты возьмешь этот ключ и отправишься за город, где кинешь его в самый глубокий из незамерзших колодцев. Один, без провожатых. Никто не должен знать. А завтра я скажу Маре, чтобы позвала каменщиков, которые замуруют оконце, вместе с дверью.

– Но помилуй, Сандр, – принялся вяло возражать Констант, – вечереет, без роздыха после утомительной дороги. Испытание чересчур для моих бедных старых костей.

– Немедля, – спокойно, но жестко повторил юноша.

Сандр блаженно нежился в каменной ванне, наполняемой бьющими из подземной расселины термальными водами, имевшими неприятный запах, однако чудесный расслабляющий эффект.

Обиды потонули в бурлящей влаге, и душевные раны затянулись, прикрыв глаза, юноша наяву грезил о воинской славе, перед его мысленным взором реяли штандарты над стройными волнами марширующих ратей, ревели боевые рога. Неизведанные земли, полные тайн, диковинки, удивительные обычаи и находки, и повсюду – народные чествования победоносного князя, героя – освободителя, покровителя мудрости, защитника слабых и угнетенных, а тысячеголосый хор скандировал:

– Славься! Славься!

Незаметно задремав, он едва не захлебнулся, чем вызвал неподдельный переполох прислуживавших банщиц. Все, пора приступать к делам, а то мечты так и останутся невоплощенными несбывшимися амбициями, решил про себя юноша, выбираясь из воды.

Стоя на деревянном настиле широко разведя руки, он позволил растереть себя насухо, затем служанки принялись облачать в чистые одежды: исподнее, состоявшее из простой холщевой рубашки да штанов, поверх – еще одни, отороченные по бокам мехом, стеганный кафтан с серебряным шитьем, подпоясанный железным поясом, на котором литые листья искусно переплетались в кольца, и крепился добротный кинжал в простых ножнах. Русые волосы захватил тонкий золотой обруч, а довершала наряд парадная волчья шапка, изрядно тяжелая и жаркая, чтобы надевать в помещении. Сандр задумчиво постучал ногтем по стеклянному глазу скалящейся морды зверя, вшитой в бурый мех, и, взяв головной убор под мышку, отправился выбирать сапоги.

Расквартированное по теплым баракам без дела войско разлагалось, в лагере царило обычное для тех дней истерическое веселье: в угасающем свете солдаты пьянствовали, играли в азартные игры и орали песни, стуча в такт глиняными кружками по пустым бочкам.

– Что моя жизнь? Иллюзия она! Что ж тогда смерть? Иллюзорна та тоже! – монотонно тянул хор монахов.

– Так смелее гуляй, пей и убивай! – радостно вторил им рев солдатских глоток.

С трудом им удалось собрать офицеров, многие из которых едва держались на ногах, другие явились в сопровождении потаскух и любимчиков. Когда шум улегся, вперед выступил Дмитр. Жрец завернулся в длинную шерстяную накидку цвета шафрана, поверх которой покоился золотой кулон в виде колеса, со стилизованными под спицы закручивающимися вправо руками.

– Мне, как главному жрецу не выдуманного, не явного, но Грезящего Бога при славном князе Урга было видение, – с достоинством начал он, – и причиной тому стал не живущий, но не усопший, сбежавший от смерти и не родившийся к жизни, гнусная противоестественная аномалия, угрожающая основам порядка мироздания. Обращенные и еретики, братья! Сим, здесь и сейчас я объявляю Поход Веры против нечестивого правителя легендарного, но, тем не менее, реально существующего града Мора. Мне известно...

Ему не дали закончить, речь потонула в целом хоре негодующих воплей.

– Долой! Как он смеет приказывать! Убирайся обратно в Ург, безумец! Ишь, что придумал! Мор – всего лишь сказка, бред, он хочет нашей гибели, прочь отсюда!

Дмитр побледнел и стиснул в кулаке свой медальон, но в целом не потерял присутствия духа, желваки резко выступили на впалых щеках. Казалось, наставник неприятно поражен неожиданно дерзкой отповедью, но не сбит, не напуган, и сейчас ринется в атаку. Но тут на сцену выступил пожилой воевода, почтительно, и вместе с тем решительно отодвинув Дмитра. Седой ветеран Рей был облачен в меховую накидку, под которой грозно смотрелся полный доспех из крупных металлических пластин с кругом – гладко отполированным зеркалом на груди.

– Можете не верить жрецу, но верьте *мне*, – прорезал гам его уверенный бас. – Град тот действительно существует, и уважаемому наставнику доподлинно известна дорога. Грядут игрища священные и необходим материал, и хотя я должен с прискорбием констатировать, что в последние годы в практику вошли постыдные полуразбойничьи набеги на соседей, шакальи укусы и трусливые засады, а то и вовсе используются преступники, делам постыдным сим должен быть положен предел. Мы, прежде всего мужчины и воины, так стоит ли марать честь свою, и честь рода, в котором почивший князь – первый? Поход Веры – это не просто чья-то прихоть, это восход к старинной славе, это очищение, это победа!

Слушатели потрясенно молчали, зачарованные пламенным выступлением старого вояки, некоторые пустили слезу умиления. Наконец голос подал круглолицый богатырь, приземистый и грузный, в летах, но все еще опасный на поле брани как опытный бык – вожак.

– Я полностью согласен с тобой командир, что касательно изнеженности нынешней молодежи и недостатком доблести. Лично я считаю, что Грезящему Богу наплевать, даже если все мы помочимся на его алтарь, так любезно установленный приезжим жрецом в центре лагеря. Да, нам нравится хорошая еда и игра, добрая сеча, да пышная девка, хотя, кому-то и юноши, – он покосился в сторону, вызвав смешки присутствующих, равно как недовольные возгласы, – но добровольно соваться места, проклятые и забытые еще с Эпохи Становления Богов – кол тебе в тощий зад, уважаемый господин жрец!

Раздался одобрительный гул, соратники хлопали по плечу оратора и смеялись над его шуткой. Однако Дмитрий не повел и бровью.

– Что ж, по-солдатски не затейливо и грубо, но справедливо! – выкрикнул он. – Все же я взываю и к вашей алчности! Кто же не слышал о неисчислимых сокровищах, что копили давно обратившиеся в прах короли Мора, пока чума не истребила нечестивый их род? Кто не мечтал вскрыть священный могильник, где некогда тысячи служителей поклонялись божественному трупу, куда из завоевательных походов стекались бесценные богатства и диковинки? Оставить все стервятникам и гнили, или вы боитесь того, что оказалось под силу жалким мародерам, угнездившимся на древних развалинах?

– Ни за что! Ложь! Бред! Вперед! – мнения разделились, все пытались говорить разом и перекричать друг друга.

Отступив к князю, Дмитрий удовлетворенно наблюдал за гвалтом, рискующим перейти в потасовку, так как некоторые из горячих голов уже хватили друг дружку за шкурки.

– Погодите, уважаемый Рей, пусть немного выпустят пар, – Дмитрий успокаивающе накрыл ладонью мозолистый кулак воеводе готовый метнуться к сабле.

– А ловко вы там у себя на севере научились сеять смуту, взывая к низменным чувствам, – глухо проворчал воевода. – За вами глаз да глаз нужен.

– Непосвященный разум падок до суетных чувств, – притворно вздохнул жрец. – Правда, же в том, что стираются границы и громоздятся небылицы, но истинный путь начертан кровеносными сосудами в жилах Грезящего Бога, и он ведом жрецам Его. Да, он пролегает по местам великих трупосожжений той расточительной эпохи, и может лучше не бывать там, но в убежище Веты, хранителя заветов последних императоров Мора каждого ждет награда.

– Настоятель моего дядюшки лукавит, как же тогда догмат веры о том, что бытие лишь иллюзия, почему внушает тягу к презренной трухе сокровищ, а не говорит о просветлении? – в пол голоса заметил Сандр.

Дмитрий с интересом посмотрел на него.

– Но ведь и ваши еретические верования чем-то схожи, чистая философия и хромое блуждание, все, так или иначе, вертится вокруг земли, этой плоти дряхлого демиурга, который так стар, что умрет, если вдруг проснется, а мы с вами, да и вся реальность – не более чем огоньки в его затухающем сознании. Но разве эта прекрасная навеянная иллюзия не стоит того, чтобы за нее бороться, за возможность мыслить и освобождаться, осязать, любить и быть любимыми?

– Верь мне, – продолжал уговаривать жрец, склоняясь к юноше, – я пекусь не только о пробуждении души, но и о твоём, князь, процветании. Этим походом ты заложишь основу великого государства, навяжешь кабалу развращенным народам, и кто знает, может, в конечном итоге, станешь в один ряд с императорами прошедших эпох, восстановив рухнувшие границы от скованного льдом океана на севере, до кипящего на юге. Наследником тех эпох, когда чума еще не пришла в столицу ойкумены, превратив ее в призрачный град Мора.

Сандр глубоко вздохнул и прикрыл глаза. В царящем гвалте ему вновь послышалась отдаленная поступь марширующих легионов, рокот барабанов и звон оружия, струящаяся река позолоченных шлемов вливалась в пишущую историю. Как близок он сейчас к исполнению заветных мечтаний. Но что это, неужели эти ослы леностью своей и скудоумием похоронят проблеснувшее будущее?! Все пойдет прахом? Деградация да запустение, и презрительный взгляд обожаемых карих глаз, ранящий, но бесконечно милый. Кровь тяжело пульсировала в ушах, заглушая все звуки.

– Довольно! – закричал он. – Прекратите вы все! Возможно, не всем присутствующим известно, что ранним сиротством я обязан «нерожденному». Несчастливая случайность, что поделать, один шанс из тысячи, пренебрежительно отмахнетесь вы. А для меня именно месть круто изменила жизнь, стала самоцелью, я видел окружающий меня мир черно-белым и плохо различал оттенки. Едва окрепнув, будучи еще, в сущности, мальчишкой, каждое новолуние я бродил по рощам и разыскивал коконы «нерожденных», эти вскакивающие гнойники на божественном челе. А с каким непередаваемым наслаждением увесистый булжник пробивал их вязкую скорлупу, превращал в кашу гнусные зародыши! Я съедал их органы сырыми, впитывая силу и туша клокочущую ненависть, – Сандр перевел дух, слова, изрекаемые холодным, дрожащим от едва сдерживаемой ненависти голосом тяжело падали, как звенящие металлом бруски, погребая возражения, подчиняя. – Однажды наставник отвел меня в лес, чтобы показать такой кокон, появившийся в неурочное время. Сидя на пеньке, он говорил, что ненависть моя бессмысленна, что отсюда может одинаково появиться как преданный друг, который в будущем, возможно, не раз спасет мою жизнь, так и заклятый враг, который непременно ее отнимет, и что человек сам скульптор реальности. Затем он ушел, оставив размышлять над сутью бытия. Что ж, может, я воспринял его слова чуточку буквально, только в усадьбу я вернулся с окровавленным кинжалом. Так вот, подумайте, если я не пощадил потенциального спасителя, то что я сделаю с вами, ленивыми скотами, если вам вздумается стяжать предначертанную мне с рождения славу!

Сандр кипел от гнева, казалось, вот-вот он набросится на любого дерзнувшего возразить. Суровые вояки хмуро смотрели исподлобья.

– Вы должны меня слушаться, я же теперь ваш господин, заклинаю... – голос Сандра внезапно охрип и начал предательски дрожать. Но тут, когда настроение собрания весело буквально на волоске, Дмитр, не дав секундной слабости испортить положение, пламенно воскликнул:

– Да, возлюбленные чада безумия и разврата, мы идем войной на Вету, покровителя и укрывателя уродов, нас ждет всех прекрасное развлечение и добыча!

– Хвала князю! Кровь и честь! – поддержал воевода.

– Слава! Слава!

– Мы сожжем казармы и усадьбу, подпалим, уходя, так, чтобы освещало гать до самого Мора, – промолвил Сандр в след удаляющимся спинам, когда шатер опустел. – Мы вернемся домой с почетом и славой, богатые как императоры, либо возвращаться нам будет некуда.

– Ты напомнил мне покойного господина, – подал голос воевода. – Не было такой гнусности, такой мерзости которую он бы не сотворил, тщась привлечь внимание божества даже ценой собственной жизни и жизней многих. Пресытившись, князь пустился в другую крайность – стал аскетом и щедрым благодетелем, но только все напрасно, равнодушный, если, конечно, он действительно существует, так и остался равнодушным. В конце концов, он просто махнул на все. Но в одном ты действительно прав – этот сброд, что гордо именуется войском, крайне нуждается в хорошей встряске, цели. Но не стоит доверять жрецу сладкоречивому.

Сандр едва удержался, чтоб не отвесить зазнавшемуся воеводе пощечину.

– Не смей недооценивать меня, солдафон! Мне суждено стать величайшим правителем, я верю, и я им стану, чего бы этого мне не стоило!

Почувствовав намеренье юноши, воевода дернулся, затем побледнел.

– Возможно, я говорил чересчур прямолинейно, и прошу меня простить. Возможно, нам предстоит узнать друг друга лучше. Но сейчас, вспоминая историю Падшего Бога, имею честь сказать только одно: разрешите удалиться готовиться к походу.

– Разрешаю. К первому.

Падший Бог. Еще несколько лет назад он обитал в отдаленной местности на границе порченных земель.

– Что это за патологическая тяга ко всему ветхому, разрушенному, заброшенному? Копаться в прахе, реанимируя своим присутствием отзвучавшие голоса, находя замурованных в покосившихся стенах мертвецов и воспоминания? – брызжал Констант, когда Сандр спешился, чтобы с интересом осмотреть остатки жилищ изобилующих в том без сомнения некогда богатом краю. – Определенно, быть беде!

– Молчи, старый, – смеялся юноша, вновь забираясь в седло.

И вновь – дорога, заиндевевшие камни, пушистый ковер морошки, да пронзительная синева неба. Малочисленные невежественные обитатели разбросанных тут и там среди равнины селений влачили нищенское полуживотное существование, и не могли оказать достойный прием, даже если бы очень захотели, боязливо прячась в вонючих землянках. Лишь грязные, голые дети с воплями носились, никого не опасаясь, невинные и убогие, подбегая к спутникам, они дергали за стремяна и хвосты скакунов, распевая:

Стук в ночи!

Кто стучит?

Крик в ночи!

Кто кричит?

Это я стучу, это я иду,

Твоей крови хочу, тебя съестъ хочу!

Затем они, дразнясь и хохоча, скрывались в кустах, чтобы вновь появиться чуть позже. Без толку поохотившись в бесплодном лесу – то скорее было испытание на выносливость, – они вернулись на место стоянки. Слуги, тягловые животные, поклажа да утварь – все исчезло!

– Образумься! – кричал семенящий следом Констант, но Сандр упорно следовал по гигантским следам, избородившим черную почву. – Я ведь предупреждал. Нужно вернуться за подмогой, если тебе так дороги эти безделицы, да только все одно уже поздно!

Но Сандру нужны были не верные слуги, ни выносливые буйволяки, ни дорогие удобные вещи – всего этого предостаточно имелось в усадьбе приемного родителя, нет – осторожный прагматичный наставник не понимал взыгравшей гордости да застарелой ненависти. А посему, он в отчаянье повернул назад, заранее оплакивая гибель безрассудного юнца.

Он был как трое рослых мужчин поставленных друг другу на плечи, плотного телосложения, длиннорук, обрюзгший и заросший. Из берлоги смердело, повсюду разбросанные объедки, гниющее награбленное добро, кучи помета. Тут же рядом лежали выпотрошенные тела слуг и животных. Зажав в пудовом кулаке еще кровоточащее тело, Падший Бог воткнул несчастному в зад вертел и вдавливал, пока острие не вылезло из ключицы.

– Проваливай прочь, щенок! – проворчал он, едва покосившись на пришельца. – У меня достаточно пищи и забавных игрушек на много дней вперед, ты мне не нужен!

– Подумать только, во что превратился наш Адонис, бог красоты, покровитель кротости! Заповедовавший когда-то, что, собирая плоды – оставь немного на древе том, и, пожиная злак, не жни весь, часть разбросай и оставь на поле, чтобы была пища птицам небесным да зверям лесным, ибо как ты заботишься о малых сих, так и я воздам почитателям моим.

– А, это... С тех давних пор понятия о красоте сильно переменились. Этот сгнивший труп у тебя под ногами не родит более ни плодов, ни птиц, ни зверья, лишь нарывы нерожденных покрывают его лик, да и все мы – паразиты, кишачие на его шелудивой коже.

– Ха! Поведай что-нибудь новое! Лучше тебе пасть ниц, вор и немедленно просить прощение, а то я велю разрезать тебя и накормить мясом всех нуждающихся в жилище отца моего. Как тебе понравится быть Съеденным Богом?

Великан расхохотался, обдав гнилостным дыханием:

– Ты не посмеешь, я же все-таки бог!

– Отчего же? Не так уж и трудно сотворить нового кумира! – запальчиво выкрикнул Сандр.

Зарывав, оскорбленный исполин запустил вертел с нанизанным в Сандра, однако юноша умудрился увернуться. В свою очередь он выхватил из-за голенища сапога нож, просвистев в воздухе, три вершка голубой стали утонули в жирном брюхе. Но великан даже не заметил ранения, растопырив волосатые пятерни, он грозно ринулся в атаку.

Должно быть, где-то в ночи властелины судеб сгрудились у игрового стола, бывшего планетой.

– Все, теперь никто не поставит на него и ломаного гроша.

– Я ставлю! – и монета взлетела сверхновой.

А Сандр, ожидавший хладнокровно нападения, в последний момент приседает, и когда исполинская туша пронесется над его головой обеими руками на всю длину всаживает саблю в промежность противнику. Взревев так, что заложило уши, а с потолка посыпались комья, великан падает, сотрясая своды пещеры, и эфес оружия ломается.

Падший скуля и рыдая катается по полу, силясь выковырнуть глубоко засевшее лезвие, раздирает рану острыми когтями. Сандр увертывается и прыгает в диком танце, выкрикивая насмешки и оскорбления, покуда великан не обессиливает, и тогда юноша осторожно приближается к тяжело дышащей куче, держа наготове подобранную в углу увесистую дубинку. Раз за разом, снова и снова он бьет поверженного противника по голове до тех пор, пока череп не лопается, забрызгав лицо и одежду кровавыми ошметками.

По возвращению из мрачной обители, казалось, проклятие убиенного божества все же настагает отважного юношу, и Сандр долго болеет прикованный к постели. Ему все хуже и хуже, и бессильные изгнать духов ворожеи вместе со своими магическими бубнами, по приказу безутешного князя, зашиты в мешки и утоплены в озере, и разочаровавшие лекари со своими склянками заживо зарыты в землю; вот уже приготовлены роскошные удобные погребальные носилки, когда Сандр вдруг встает совершенно выздоровевший и только глубоко на дне его глаз таится насмешка.

Когда Сандр отдыхал на привале, в его шатер вихрем ворвался всклокоченный Констант, очи его пылали, возвысив голос, он заголосил, потрясая темным посохом с круглым металлическим набалдашником:

– Во имя десяти тысяч не родившихся младенцев, как ты позволил втянуть себя в эту безумную авантюру? Это ли не самоубийство, не крах всего крепкого Древоградского княжества, что во сто крат хуже, грядет? Лучшие мужи, защитники и гордость отечества отправлены на верную смерть, мирный люд, брошен на произвол судьбы, без защиты отдан на разграбление алчным соседям! Почему ты отослал меня с поручением в тот злополучный вечер, почему меня не было рядом, чтобы вразумить моего мальчика, когда вершилось коварное предательство державным интересам! О, горе мне! Горе всем нам, коли пастух, волей свыше пасти поставленный стадо слепо ведет его к пропасти! Заклинаю, Сандр, одумайся и накажи воротить войско обратно!

Старик хотел припасть юноше на грудь, но Сандр с негодованием отстранился и, вконец обессилив, наставник тяжело опустился на сундук, уронив руки в меховых рукавицах, седые патлы свесились, закрыв лицо.

Сандр подождал, пока каждый из них успокоится, и ровным голосом отвечал:

– Невозможно. Да ты и сам прекрасно знаешь – теперь слишком многое поставлено на кон, чтобы вот так, подобно ветряку поворачиваться туда и обратно. Я и так дал поблажку, позволив себя отговорить от запланированного «сожжения мостов», что должно было стать фее-рическим началом моего взлета. Так отринь прочь гнетущие сомнения, мы еще будем пировать в чумном граде Мора и благополучно с победой вернемся назад, и ты составишь подробное описание наших славных деяний. А после игрищ я замыслил новый поход до края суши, – Сандр подошел, и присев обнял учителя за плечи. – Поведай лучше, тебе удалось отыскать ту девушку?

Констант поднял голову, постепенно глаза его очищались от накипи отчаянья, в них вспыхнули искорки интереса, откашлявшись, он сказал:

– Ты знаешь, благодаря своим связям я вхож во многие дома уважаемых купцов, мои люди также посетили каждый постоялый двор и общественные ночлежки, более того – я лично имел беседу с начальником доставившего нас каравана. Кое-кто мельком видел соответствующую описанию особу, но в одном все схожи: никто не знает, с кем она путешествовала, ни когда присоединилась, ни когда покинула процессию. Тогда я посетил городской архив, и вот что выяснил, роаясь в пропахших плесенью фолиантах: в прошлом столетии причиной распада обширного Ур-Алтынского ханства, в действительности представлявшего собой союз патриархальных общин лесных и горных племен, стала неблагоприятная история, случившаяся среди верхов правящей фамилии и подобно пожару распространившаяся среди самых широких слоев, ломая окостенелые устои и быт общества. Что-то связанное с незаконнорожденным отпрыском одной незамужней особы. В той вспыхнувшей братоубийственной усобице сгинуло бесчисленно народа, в том числе и сама виновница преступления.

– Я не понимаю, к чему вся эта быльем поросшая чушь, Констант, стоило ли задерживаться столько дней в Древограде, чтобы ворошить грязное белье давно умерших иноземцев? – перебил Сандр.

– О, поверь, оно того стоило мой мальчик, с жаром продолжил Констант. – Как я уже говорил, вооружившись увеличительным стеклом, я просматривал сохранившиеся генеалогические древа династий, относящиеся к той эпохи царствования, и под одной из вымаранных надписей обнаружил сохранившейся портрет нарушившей закон госпожи, а надо сказать она занимала отнюдь не последнее место при дворе. И вот тут я подхожу к самой интриге – там была изображена наша скрывшаяся незнакомка.

– Не может быть! – вскочив с табурета, воскликнул юноша. – Но даже ежели допустить, что той ночью мы оба пали жертвами игры разума да травяного дурмана, не могло же нам привидеться одно и то же!

– Конечно, нет, я просто в растерянности, заинтригован и сбит с толку. Ур-Алтынское ханство кануло в лету, развалилось, распалось на незначительные обособленные общины, которым, памятуя извлеченный кровавый урок, заново пришлось переосмысливать роль женского начала как подлинного воплощения источника и охранительницы рода. Но почему она, как ей удалось, я хочу сказать, что, то было за виденье: неведомая магия, черное искусство эскулапов, а может козни неуспокоенных духов земли?

– Что ж, все, что ты мне поведал, весьма запутано и прискорбно, – подвел итог Сандр. – Воздвигнув жертвенник в честь моего отца на развалинах Мора, мы двинемся навестить наших родичей в Медвежьем Доле, в конечном счете, караван двигался оттуда. А если понадобится, то огнем и мечом прочедем забытые кручи и буреломы востока.

– Но... – попытался возразить Констант.

– Никаких «но»! – вспыхнул Сандр. – Я – безраздельный хозяин в своем уделе, и господин над своими людьми. Это ли не знак свыше, из непознанных сфер, меня ведет путеводная звезда, сие не подлежит сомнению!

– Она такая необычная, яркая, умная, а ее рассказы просто нашли живейший отклик в моей душе, – уже мирно произнес Сандр, охлаждаясь так же внезапно, как и вскипая. Он взял небольшое походное зеркальце из ящика раскладного письменного стола и принялся рассматривать себя. – Как ты думаешь, я понравился ей?

– Без сомнения, – буркнул Констант, разворачиваясь, чтобы уйти. – Несомненно.

– Констант! – позвал Сандр, когда наставник уже откинул полог шатра, запуская внутрь промозглый ветер. – Разве до тебя еще не дошло, что я уже давно не *твой мальчик*, а князь? Привыкай называть меня соответственно.

– Я перестал быть чьим-либо «мальчиком», когда победил бога, – закончил Сандр в одиночестве.

Закрученный в Древограде тугой клубок интриг неспешно катился, распутывая извилинную нить нашего повествования, ведя героев на юг к сомнительной цели, по промерзшему насту болот, через неприветливые леса, где по обеим сторонам тропы за отставшими алчно следили немигающие глазища кровососов. Хотя толком их никто не видел, поговаривали, что имеют они клюв длинный и острый, чуть загнутый на конце, которым проникают в ухо спящему и высасывают мозг. Сказки то или быль, проделки лесного народца, тем не менее, частенько по утрам находили опутанные паутиной пустые оболочки, свисающие с черных крон искривленных дубов да осин.

По мере того, как зима отступала сдавая ледяные позиции, разбросанные щедрой рукой древнего великана и вросшие в землю валуны, покрытые таинственными знаками начинали покрываться зеленой порослью. Воздух таял, растекаясь теплыми струями.

В длинных изнурительных переходах под палящим солнцем через пыльные холмистые равнины слабые падали и шли на корм более сильным. Особенно несладко приходилось верховым животным; непривычные к жаре буйволяки едва волочили поклажу и всадников облепляемые тучами мошкары и гнусом, начался падеж.

Увлекаемые железной волей, отчаяньем и миражами, под заунывный бой жреческих барабанов и истошный вой труб они добрались до населенных оседлыми племенами районов, говоривших причудливо и непонятно, забавно растягивая гласные. Там их судьбы пересеклись с пролежавшими путями Следующих За Солнцем. Весь день их бешеные стаи несутся, оставляя позади почерневшую землю, а ночь они проводят в диких иступленных оргиях, в отчаянье и ужасе оплакивая смерть светила, этого налитого дурной кровью полудохлого ока следящего свыше божества. Когда же по утрам оно подкормленное душами жертв посылает первые робкие лучи из-за горизонта, они встречают нарождающийся рассвет единым могучим воплем радости, звучащим надрывной ноте в плаче по неизбежному концу мироздания.

Еще не прозвучал сигнал к построению, и сонные слуги-смерды только приступили к разбору шатров и укладки разнообразной утвари, когда на плечах вопящего в панике ночного караула ворвались они в лагерь, не разбирая дороги ломая заграждения, разбрасывая аккуратно составленное оружие и тлеющие костры, топча разбегающихся солдат, давя спящих.

Сандр кубарем свалился со своего ложа прямо перед взметнувшимися копытами закованного в шиповатый панцирь скакуна. Он откатился в сторону, а диковинное создание, издав пронзительное ржание, трясая длиной гривой и сыпля искрами из раздувающихся ноздрей, тяжело опустилось прямо на то место, где юноша только что находился, смяв и изломав покрытое шкурами ложе. Смуглый всадник в рогатом шлеме, оскалившись, наотмашь рубанул кривой саблей стоявший у изголовья портрет прекрасной незнакомки, выполненный со слов Сандра дворовым живописцем.

Верхняя часть рамы разлетелась, и холст с треском разошелся пополам. Всадник развернулся, замахиваясь вновь.

Не помня себя от ярости, Сандр как был спросонья в одних меховых штанах, босой и безоружный набросился на обидчика – подпрыгнул, удачно приземлившись как раз в седло точно позади осквернителя. Его пальцы молниеносно сомкнулись вокруг рукоятки висевшего у напавшего кинжала в ножнах. Прежде чем тот успел отреагировать, князь дернул его за болтавшуюся по плечам косу, понуждая запрокинуть голову, а другой рукой точно и хладнокровно всадил кинжал в открывшееся горло. Жеребец встал на дыбы, Сандр повис на всаднике, рыча подобно зверю, пытаясь, все глубже вдавить уже и без того сидевшее на всю длину лезвие. Они рухнули вместе, и животное, обдав напоследок жаром, умчалось прочь, свободное от бремени, словно ветер.

Оглушенный при падении, сквозь звон в ушах князь смутно ощущал, как мечутся и орут люди. Потом звон железа, лютое ржание жеребцов нападавших, хрипы и грохот уплыли прочь. Он покачивался на волне воспоминаний, забытые события повторялись: также в полумраке кричали родные, остро пахло кровью и потом, рвалась плоть, и ломалось дерево, когда из-под пола избы начал выбираться чудовищный нерожденный. Упала, разбившись, лампа и масло, разливаясь, вспыхнуло. Запахло гарью. Гарь.

Он пришел в себя в натекшей из убитого огромной вонючей луже крови, палатка занималась, горестно хлопала порванные края. Кашляя и протирая глаза, он высвободил кинжал – все это время Сандр так и не разжимал сведенные пальцы. Он огляделся и схватил куртку, застывший лик мертвеца улыбался, и начертанное красной краской на лбу поверх бровей око слабо фосфоресцировало. Сандр поднял остатки загубленного портрета, и, поняв всю безнадежность затеи, с возгласом горечи и боли отбросил лохмотья прочь. В ожесточении он пнул тело и, пошатываясь, выбрался наружу.

Над разгромленным лагерем занимался холодный рассвет и стелился дым, бродили солдаты, стонали раненные, лежали погибшие, пахло гарью, солнцепоклонников и след простыл.

Отбросив кинжал, он схватил за грудки первого попавшегося сотника и заорал:

– Что, позабыли про своего князя, сучье племя? Я еще доберусь до вас! За дело, свиньи, на защиту ваших никчемных жизней и жизни вашего повелителя!

Военачальник в страхе отшатнулся от искаженного нечеловеческой гримасой перепачканного лица, а Сандр уже мчался к загону, где ревели растревоженные буйволяки.

– Шевелись! Пошевеливайтесь! – кричал он, размахивая саблей, сидя на теплой спине могучего животного. – Эй, горнист, труби сбор, мы отправляемся в погоню!

Разумеется им не дано было догнать Следующих За Солнцем и их стремительных скакунов. Лишь взрыхленная бесчисленными копытами почва да запекшиеся капли крови отмечали уходящий в слепящую даль след.

На безрадостном обратном пути отряд сделал крюк, чтобы напоить уставших животных, а также самим напиться и смыть дорожную пыль. Сандр также разделся и по шее зашел в прохладную воду, в тщетной попытке охладить бушевавший внутри пламень бешенства и разочарования. То и дело чувствую мимолетные как бы нерешительные прикосновения к телу мягких чешуйчатых лент обитавших в реке водяных змей, он закрыл глаза, пытаясь воскресить тот, не дававший покоя образ таинственной незнакомки.

И как всегда видение не заставило ждать, воспоминание о единственной встрече, направившей всю жизнь в другое русло, глубоко врезалось в память, проело в ней каморку, где и свило себе уютное гнездышко. Вновь как на яву перед ним омутом распахнулись насмешливые, чуть раскосые карие глаза, тонкий изгиб бровей.

– Мой господин! – пробился через стеклянную завесу грубый бас и Сандр почти явственно услышал, как звенят, разлетаясь, осколки прошлого.

Он недовольно обернулся.

– Господин, – повторил воевода Рей. Низкорослый полководец стоял по щиколотку в воде, держа в руке конический шлем, который использовал за место ковша, и влага щедро стекала по обнаженным мускулам богатырской груди. – Посмотри.

Не скрывая крайнего неудовольствия, Сандр шумно выбрался на мелководье, поднимая тучи брызг, и встал рядом.

– Чего еще?

Воевода указал на плывущий по течению мусор.

– Смотри, господин, берега здесь каменистые и лишены всяческой растительности, между тем, откуда взялись все эти листья, цветки, а то и целые ветви, так напоминающие сплетенные венки – все это не характерно для запущенных сих мест, и указывает на деятельность человека. Да. Пожалуй.

– Думаешь? – протянул Сандр. Потом зрачки его расширились, зажигаясь нехорошим багрянцем, отсветами пламени в котором когда-то сгорела его семья. – Всем вон, на сушу, собираемся! Что ж, посмотрим, кто там так хозяйничает.

В том месте, где река, сбегая с возвышенностей окаймлявших Тетуитланскую долину, переливалась через пороги, образовавшие ряд последовательных террас, был установлен просторный круглый павильон. Дикий плющ и цветущий вьюн оплетали резные деревянные колоны, длинный позолоченный шпиль венчал сооружение, от него расходились трепетавшие в воздухе цветные ленты, привязанные концами за вбитые в землю серебряные колышки. Из отдаленных краев сюда, к последнему пристанищу Странника, из самых глухих мест стекались с надеждой и благодарностью паломники, шли измученные невзгодами и отравленные болезнями, брели отчаявшиеся и шагали любопытные. Здесь они опускали в реку свои принесенные мирные подношения, здесь же над павильоном, посреди одной из естественных террас высился усеченный конус из не отражающего ничего матового вещества, из которого била струя, окрашенная в нежно розовый цвет. Дальше по течению она перемешивалась с речными водами и теряла свои чудные свойства, но именно здесь, где по преданию некогда разбилась небесная ладья, привезшая Странника из мира иного, здесь, испив дарующего забвения нектара, сотнями возлежали на мелководье усталые пилигримы, предаваясь успокаивающей сладостной дреме под неумолчный шум фонтана.

Предания сохранили также рассказ о драгоценном ожерелье непередаваемой красоты, из которого силой мысли этот непостижимый Странник мог извергать молнии на вздумавших покуситься недоброжелателей. Многих он привлекал кротостью своей, открытостью к состраданию и премудрой ученостью, однако же, не алкал иметь жаждущих учеников, ибо находившихся подолгу подле него начинали одолевать хвори, будто подтачиваемые неведомой язвой вскорости находили они свой конец, что весьма печалило доброго Странника. И, тем не менее, прослышав о дарующем исцеление духа учителе, уже тогда отовсюду устремлялись обездоленные, неся на себе неизбежную плату в виде физической оболочки.

По прошествии многих лет учителем стал овладевать паралич, затем он и вовсе перестал двигаться, и лишь вещал среди всеобщей любви и поклонения, восседаая на убранных цветами носилках через уста наиболее преданных учеников.

Но Сандра мало интересовали ветхие предания да осклизлые мифы, а посему все, что оставалось от легендарного пророка – ржавая маска на сморщенном челе дряхлого жреца, – печально треснула под копытами его взгромоздившегося на помост буйволяка, отмечая смену эпох, а кровожадно улюлюкающая конница довершила разгром ничего не подозревавшего противника, слишком ничтожного, чтобы ожидать участи в полоне до будущих поминальных игрищ.

Там, утолив кипучую жажду деятельности, Сандр, наконец, ощутил долгожданное удовлетворение от осознания первого пройденного шага на крутом подъеме, восходящем к бес-

смертной славе и неуверенно улыбнулся свершившемуся. Там, утопив в безумие боя позор недавнего поражения, ликовала доблестная княжеская дружина. Там трещали охранительные трещотки обходивших поле боя жрецов Грезящего, и звучали монотонные песнопения. Река стала багряной, неся трупы паломников, и забитый нечистотами навсегда иссяк фонтан. Порубленный священный павильон пошел на дрова для развернувшихся походных кухонь.

Просветленный Дмитрий в праздничной оранжевой тоге, отороченной по краям причудливым орнаментом на религиозную тему, проповедовал, окуривая слушателей ароматическими маслами из расставленных полукругом глиняных курильниц в виде вымерших животных, являвшихся предыдущими воплощениями Грезящего:

– Да не переполнятся печалью ваши сердца по павшим товарищам, и тем, кому еще предстоит пасть. Ибо они пригреты на груди бога спящего, но живого и благостного; да будут радостны помыслы ваши, ибо ненужная скорбь и недостойные стенания вырывают из созерцательного эфира, привлекают дух обратно, а это не желательно и пагубно, ибо видите нелицеприятный вид вместилищ его и зарождающийся запах? Нет же, говорю я вам и слова мои истинные – они послужили великой цели борьбы и похода за Веру, и таким образом погашены все долги их и уже начертанная судьба очищена, ничего их не держит, так пусть же летят их души прочь!

А смиренно потупившие взор послушники усердно крутили обмотанные кожей ручки, по средствам ременных передач приводившие в движение бесчисленные бронзовые барабаны шестиколесной молитвенной машины.

И было решено по традиции воздвигнуть пять пирамид из отрубленных вражеских голов, по числу павших героев, а отважные сердца их, печень, легкие и селезенки разделены и съедены.

С приближением сумерек зажгли костры, и началось подлинное ликование. Подтащившие обоз смерды, жадно лакающие щедро пролитую лужами кровь, мародеры, алчущие наживы среди скудных пожитков побежденных, счастливые насильники, любители теплого мяса и податливых трупов, воевода Рей, в исступлении лижущий обагренный клинок, не замечающий, как кровь из разрезанного языка смешивается с неприятельской, и посреди всего этого помешательства – Констант, быстро водящий поскрипывающим пером по бумаге, стоя на штабеле трупов как на кафедре.

– Это будет жизнеописание величайшего из полководцев современности, – поясняет он в ответ на вопросительный взгляд Сандра. Он обмакивает перо в прикрепленную к поясу латунную чернильницу, и, перевернув страницу книги в железном переплете, начал очередной абзац. – Покуда события не поросли былью важно, чтоб даже самая мельчайшая деталь или произнесенное слово не были потеряны для будущих поколений.

– Хм, – в замешательстве хмыкнул Сандр. – Только не фиксируй вот этого, – и, развязав штаны, помочился на трупы. – Все недосуг было как-то, – смущенно пробормотал он.

– Как скажите, как скажите, князь, – Констант задумчиво поживал кончик пера, собираясь с вдохновением.

А расплывавшийся в небе закат являл лазурный океан, где облака, переливаясь всеми оттенками от густого бордового до пронзительно ярко-алого, были подобиями чудесных затерянных коралловых островов.

Вета – в покосившейся башне из красного кирпича. Окна ее выходят на три времени года: тут стучит певучая весенняя капель, сбегая ручейками с величественных развалин, бурая листва засыпает испорченные мостовые, над которыми торчат скрученные чудовищной деформацией деревья, там – заросли серого бурьяна колышутся под теплым летним дуновением. Ворота же башни, сорванные, покоились под снегом.

У него длинные прямые черные волосы и фиолетовая кожа, на плече его застыл ястреб, и при ближайшем рассмотрении становится видно, что лапы птицы давно и глубоко вросли в плоть и кости. Он носит легкий эластичный панцирь, по-видимому, из чешуи дракона, поверх свободных одежд, не имеющих определенного покроя, тюрбан и шлем, который украшен вставленными самоцветами, закручивающимися спиралью к верхушке, где переливается великолепный большой сапфир. Таков Вета, покровитель нерожденных. Руины и переплетенные кишки катакомб – таковы его владения.

В круглом пустом зале, где под закопченным дырявым куполом в ржавых держателях торчат древки съеденных молью знамен и танцуют пылинки в пробивающихся снаружи лучах, в зале, где из мебели стоит один лишь грубо сколоченный престол, а стены с обвалившейся штукатуркой сейчас задрапированы извлеченными из запечатанных сундуков шпалерами, с вышитыми изображениями августейшего покойника, сохранившиеся от прежних хозяев башни, возникает движение. Что-то гораздо менее осязаемое, чем тени собирается в комок. Вкрадчивый девичий голосок шепчет, плывет по помещению, дразня.

– Неверный возлюбленный!

Вета нарочно отворачивается, но двое нерожденных, что охраняют вход, сохраняют невозмутимость, происходящее остается за гранью их восприятия. Массивные бронированные головы, толстые загривки, склоненные спины, влажные семипалые лапы сжимают заряженные пищали, застывший взгляд бездонных черных глаз-бусинок – такова его личная охрана и Вета нехотя оборачивается на зов.

– Опять ты. Все то же, – в его голосе сквозит неприкрытая усталость и разочарование.

– Ты же должен понимать, что возмездие за неразделенную любовь не имеет границ.

– Ага! И чем беззаветнее была та любовь, тем сильнее, неистовее теперь ненависть. А мстишь ты – постоянно докучая мне.

– Дерзкий мальчишка! – бестелесный голос теряет девический тембр, в нем слышится затаенное шипение гадюки.

– Мальчишка? – Вета удивленно поднимает бровь, крупные ограненные алмазы, вставленные в его пустые глазницы, саркастически блеснули.

– Да негодный маленький избалованный гаденыш! Таким ты был – таким ты для меня и останешься! Наказать тебя за все мало. О, как бы я хотела свести тебя с ума, но, увы, это невозможно.

– Поэтому, не имея власти причинить мне вреда напрямую, ты решила достигнуть цели руками наемного героя, что направляется сюда? Очистить мир так сказать от скверны? Что ж – умно, но что будет, коли и он потерпит фиаско? Какой удар по самолюбию, способно ли твое давно подгнившее сердечко пережить еще один позор? Что же ты будешь делать? Уж не попытаешься посеять семена раздора в ряды моих подданных, тех, кого я называю единственной и верной своей семьей за всю историю существования. Но это же будет грубо и примитивно, согласишься. А как же былая утонченность?

– Когда ты возвратишься ко мне, я заставлю тебя горько пожалеть о том поступке! Ты заплатишь за каждую минуту, проведенную на поверхности. В сто крат! В тысячу! О, да, ты знаешь, о чем я говорю, ты помнишь!

– Я познал такие изощренные страдания, такие тайны открылись мне, пока я поднимался к поверхности, что теперь меня трудно чем-либо напугать или поразить, – слова и тон говорящего никак не вяжутся с обликом десятилетнего мальчика, и когда он продолжает, слишком много усталых морщин пролегают в уголках губ. – Вот поэтому я ненавистен самой судьбе. Однако же тебе пора убраться надоедливой девчонка.

Просеменив через зал, он забирает пищаль из лап безропотно отдавшего смертельное оружие чудовища, и спускает курок, стреляя навскидку, не целясь, скорее для острстки, чем желая в действительности поразить бестелесную тень.

Раскаленный металл, не причинив вреда, пронесется через таинственный сгусток и ударит в стену. С тихим смешком тень исчезает. Обеспокоенный грохотом в зал ворвался худой горбун, обнаженный и, как кажется, напрочь лишенный каких бы то ни было признаков пола.

Окинув беглым взглядом недоуменно пялящихся стражников, он подскочил к Вете и приобнял за плечи.

– Что стряслось, хозяин?

Вета, морщась, отбросил дымящуюся пицаль. Руки и плечо нещадно саднило отдачей.

– Ничего особенного. Просто вспомнил, что когда-то и у меня тоже были эмоции.

Горбун озадаченно поглядел на прореху в шпалере, которая приходилась как раз на голый узловатый череп изображенного на ней Мертвого Божества. У того грубые надбровный дуги, свирепый взгляд одержимого, нижняя часть лица поросла жестким волосом. Вокруг змеятся вышитые пентаграммы и орудия пыток.

– Такая внушающая трепет картина, хозяин... – в его голосе – укоризна.

– А, заплесневелая рухлядь! – отмахнулся Вета. – Нужно начинать жить настоящим.

– Значит, можно порвать на портянки, да хозяин? – с готовностью осведомляется горбун.

– Нет, оставь... У меня есть для тебя другая работенка.

И шли они редющим железным потоком по местам великих запустений и не зарубцевавшимся до конца шрамам отгремевших битв, оставляя за собой курганы да обгоревшие кости стоянок.

На тайном совете:

– Горе нам, вторгшимся в окайненные земли! Язвы съедают наши тела, некоторые лысеют, другие, наоборот, обросли шерстью, третьи – ослепли! К чему все жертвы, я спрашиваю собравшихся, к чему сражения без конца не приносящие практически никакой выгоды? Где же обещанные сокровища, когда путь домой? Увы, нам! Нужно воротиться назад! Довольствоваться первыми попавшимися пленными. Но как вразумить князя?!

Рослый сотник тяжело вздохнул:

– Излишнее упрямство и обычное отроческое самомнение – то еще пол беды. Главная опасность в том, что этот лукавый чужак, шафрановый жрец, этот Дмитр, уж не знаю, как, но возымел исключительное влияние на нашего обожаемого господина. Он коварно раздувает дремлющий глубоко в душе юноши огонек врожденного безумия.

– Проклятый колесник! Это все он, духи наших сгнивших предков оставили нас, и удача отвернулась, мы все обречены! Обречены!

– А все его молитвы над ранеными не стоят и пары добрых игл, – вкрадчиво заметил глава эскулапов.

– Нам нужно немедленно возвращаться, весь этот поход – надувательство, а цели – неясны, сплошная фикция. Уж не по поручению своего сюзерена действует он? – понизил голос поведавший жизнь казначей. – С целью ослабить нашу державу, чтобы пала она легкой добычей завистливых соседей!

– Я давно подозревал сие! – воскликнул воевода Рей. – Все что нам нужно – это молниеносная победоносная компания, а не бесконечные стычки со странными племенами и непонятными существами.

– Точно! – охотно подхватил проворовавшийся стряпчий, не без выгоды для себя ведавший снабжением, а присутствовавшие заговорщики одобрительно зашумели. – Пусть не ради уступки невзгодам, но во имя свободного будущего наших детей и гордой независимости отчизны нужно немедленно предпринять крайние меры!

– Повернуть вспять!

– Удушить жреца!

– Умолять князя!

– Устранить больного мальчишку.

– Кто молвил *такое?* – пробасил воевода в воцарившейся тишине. Заговорщики, воодушевленные грандиозностью планов спасения, испуганно замолкли, устрашившись собственной дерзости.

– Ну, скажи ты, – толкнул локтем Константа обеспокоенный казначей. – Иначе все эти расхрабрившиеся мужи сейчас разбегутся, поджав хвост, точно стая поскуливающих щенят.

– Даже не будь пагубного влияния, из Сандра уже никогда видимо не получится пекущийся о благе своих подданных справедливый владыка, и тут не моя вина как воспитателя, – Константин сокрушенно развел сморщенными руками. – Я сделал все что мог, но колдовское видение завладело всеми помыслами моего любимого мальчика, ведьма, он далек от реальности, ее ничемными розысками, мечтами о встрече заняты все его помыслы. И хоть я материалист и не верю в запредельные эманации, но тут я явственно чувствую и вижу тревожащую тень неведомого зла. Он глух и слеп к страданиям и смертям, что творятся вокруг. Давеча он прогнал искуснейших куртизанок, заявив, что никто не может сравниться с его избранницей, коею он намеревается провозгласить госпоже будущей империи, всего сущего, к ногам прекрасным которой непременно должен припасть весь мир!

– Кланяться девке? Измена! Позор! Гнусное противоестественное кощунство! – загалдели заговорщики.

Воевода Рей задумчиво:

– Говорят, что в самом начале истории по земле бродили исполины, и горы им служили столами. Планета извергала ядовитые испарения и лавовые потоки, от которых негде было укрыться, ураганы и дожди хозяйничали над ней, и все это ранило, жгло нежную кожу первенцев – несовершенные творения несовершенных творцов, несчастные были вывернуты наизнанку. Затем, повзрослев, боги принялись все переделывать, в ходе неоднократных пертурбаций мир стал таким как сейчас. Но те наследственные воспоминания о невероятных мучениях, запертые в бездонных темницах подсознания, порой прорываются на поверхность реками сжигающей боли в потомках; такие страдалцы хоть и не виновны, тем не менее – порочны, непредсказуемы и опасны для окружающих, они деспотичны и сумасбродны в своих устремлениях. Я веду к тому, что необходимо избавиться от грозящей всем нам напасти, убрать этого сумасбродного выскочку, непризнанного новоявленного князька. Я сказал.

Посвященные зашумели.

– Кто же отважится соперничать с погубившим Падшего?! Выходит он и сам полубог, ведь доподлинно ничего неизвестно об истинных родителях Сандра. Существует даже предание, что когда он появился на свет, то вместо плача исторг только горестный вопль: «Опять?».

Констант потупился, впрочем этого никто не заметил.

Рей успокаивающе воздел облаченную в бронированную перчатку длань.

– Да, я знаю, знаю не меньше вашего, что у выскочки хватило изрядной доли безрассудства вступить в поединок с тем существом. Но не это ли явственное доказательство его безумия? Знаю так же, что, ненавидя, вы все еще трепещите перед ним, не смея вступить в пререкания, не то, что открыто бросить вызов. И последнее – знаю способ. Яд. Правда, после него невозможно будет приобщиться и вкусить божественной плоти, но ведь кому нужно прикасаться к родовому проклятью, не так ли?

– Так! Так! Но кто возьмет на себя самоубийственную миссию?

– Он пьет из сосуда, выточенного из самородного серебра, способного мгновенно нейтрализовать любой яд, скорее дань традиции, чем необходимая мера предосторожности, ведь князь, не замечая косых взглядов, не ждет никакой подлости, – Константин обвел долгим взглядом в напряжении притихшее собрание. – Я как не состоявшийся наставник приму на себя тяжкое бремя и преломлю с мальчиком в последний раз хлеб.

Шатер тут же взорвался благодарственными овациями.

– Ты герой, уважаемый Константин! Мы постараемся снабдить тебя сильнейшим противо-
ядием, буде твоя воля. Никто никогда не забудет твоей искупительной жертвы на благо народа
и отчизны!

Констант лишь грустно улыбнулся в поредевшую бороду.

– Общеизвестно, что в волчьей стае на первом месте всегда должен быть сильный вождь.
Иное означает насилие над природой, ибо часть людей амбициозна, страстна, достойна, другая
же в большей своей массе – ни на что не пригодна, кроме как, в лучшем случае, служить поста-
ментом трона. Отними у стаи вождя – она передерется, отбери всех предприимчивых ини-
циативных индивидуумов – и останется свора безмозглого скота, которая разбредется и сги-
нет. В минуту наивысшего кризиса, за отсутствием наследника, я приму всю ответственность
и возложу на свои плечи тяжкий гнет власти, – торжественно провозгласил воевода Рей. Его
маленькие ледяные глазки внимательно оглядели заговорщиков. – И готов доказать это мечом,
копьем или булавой с любимым, посмеющим бросить вызов.

Сомневающимся не нашлось. На том и порешили. Если и были недовольные таким еди-
ноличным решением, то в прения они не вступили.

Возлежа за уставленным изысканным, в коей мере позволяли суровые условия кампании,
столом, в окружении ближайших сподвижников – ибо он не нуждался в друзьях и советни-
ках, уверенный в безусловную исключительность собственной роли, – Сандр презрительной
прохладной ухмылкой на устах принимал лебезивших послов очередного задрипанного горо-
дишки выказавшего покорность.

Внезапно он испытал сильнейшее головокружение, недожеванная трапеца пошла горлом,
а сам он ступал по раскачивающемуся мосту, свитому из жемчужин. Раздваивающимся созна-
нием он ощущал, как его волокут, тащат куда-то, толчки и дождевые капли на лице. Жем-
чужный мост с гулом раскачивался, набирая амплитуду, все сильнее и сильнее, балансировать
стало невозможно и Сандр присел сию секунду вцепиться... но руки не нашли опоры. Удерживав-
шие нити порвались и он, кувыркаясь, полетел в серую бездну.

Вот смиренно стою у закрытых дверей, держа корзину с дарами. Вкусите же дары смерти,
и да будет благословенна она, дары приносящая. Дар первый – отрешение от страха, врагов и
забот, дар другой – прекращение страданий. Третий дар – бегство в уединенную обитель.

Он ощущал себя абсолютно голым и незащищенным, бледной микроскопической точкой
на бесцветном полотне.

Которое начало изгибаться пока не стало гигантской фигурой Привратника. Когда-то
тот был подневольным гребцом на галере, пока не бежал, оставив извергам свое прикованное
перегрызенное запястье. Ему удалось перетянуть раны и заточить оголившуюся лучевую кость
о прибрежные камни и сим отбиться от преследователей. В конечном счете он все же скончался
от заражения крови, но счастливый и свободный, как птица морская. Теперь, беспредельно
могуч, ужасен и грозен, он охраняет Дом Смерти от посягательств живых, защитник почивших
и гроза некромантов. Сандру он не причинит вреда.

– Все, что когда-либо существовало, а затем умерло – находится здесь. Однажды без-
утешная юная вдова пришла искать дух пропавшего без вести мужа, и я милостиво позволила
ей попытать счастья. Девушка долго бродила, по человеческим меркам, так долго, что теперь
она только горсточка истертой пыли, которую последний выдох гонит по коридорам, но так и
не прошла и малой части Дома, – был голос, но ничто не нарушило тишины.

– Кто ты?

– Я – бесформенная субстанция, булат и болезнь, я – клыки и когти, я же – яд и дрях-
лость. В образе прекрасной искусительницы я явилась однажды, голодом, ранами и лишениями
выщипывала твоих спутников, ибо хотела быть всегда рядом с влюбленным суженым, безы-
мянными дружинниками, потерю которых ты едва ли замечал, падала вокруг тебя в битвах;

мое присутствие ощущаешь повсюду, ибо я возлюбила тебя с детства и оберегала, неосознанно ты уже и тогда тянулся ко мне. Я та, какой ты меня захочешь, ведь я – Некра.

Образ ее сложился из притянувшихся отовсюду светлячков, парящий и почти неуловимый, но такой же притягательный и прекрасный, точь-в-точь как тогда под ночным небом.

– Я искал тебя повсюду, мне говорили, что тебя давно нет, – только и смогло вымолвить то, что оставалось от Сандра.

– Я знаю.

– Теперь я нашел тебя.

– Да, это так.

– И мы будем вместе!

– В какой-то мере. Не совсем. Да, не думаю.

– Но... но почему?

Некра улыбнулась и стала совсем осязаемой, такой земной и теплой, казалось, только протяни руку... но именно этого почему-то никак не удавалось сделать. Сандр смотрел, как бьется жилка на ее изящной шейке, как насмешливо жгут изумительные карие глаза.

Она подплыла к круглой дыре.

– Я открою тебе сокровенное – ты находишься внутри Грезящего Бога, ведь то, что называется Домом Смерти – не более чем извилистые ходы, бесконечные переплетающиеся коридоры, пробуровленные могильными червями в священном монолите его мозга. Видишь?

Аморфное светящееся вещество лениво ползло посередине тоннеля. За ней в отдалении маячила еще одна. Янтарные, бирюзовые и коралловые огоньки, отделившись от стен, плыли по воздуху в ритме беззвучного танца. Если здесь был воздух.

– Это Его мысли, – в ее шепоте звучало благоговение.

В стене тоннеля открылось крохотное квадратное отверстие. Сандр почувствовал, что его против воли неумолимо затягивает туда.

– Что происходит? – как ему казалось, закричал Сандр.

– Те души, которые не распадаются, не уничтожены и не преобразованы под воздействием различных причин, которые они накапливают при жизни, хранятся здесь, их же надо где-то складировать, глупенький, и тут я бессильна, любимый, вселенские принципы установлены не мною, они сильнее нас. Быть может Грезящий предается мечтами о них в ином, более совершенном мироздании.

– Но я не хочу! Я так жажду остаться с тобой, ты даже не представляешь! Все мои помыслы были о тебе одной! А сколько еще я не свершил!

– Увы! У меня было множество земных любовников, но ничего не вечно, ты знаешь, все приходит и должно уйти, освободить место новым брызгам искрящегося водопада жизни. Ничто не навсегда. Только я.

– Но ведь это несправедливо, не честно, так не может случиться, я так вожделем соединиться с тобой, как никто на белом свете, мы были бы столь счастливы на зависть богам!

– Кто говорит о справедливости в Доме Смерти? Здесь все умерло – чувства, переживания, понятия. Я симпатизировала тебе, пока ты не превратился в инертного рохлю. Тогда-то твой срок и истек.

– Кажется, я начинаю понимать. Столько сил истрачено во имя высшей цели, недопивал, недоедал, терпел невзгоды. А эти мерзкие продажные псы, – Сандр вдруг ощутил просыпающуюся такую знакомую злобу, – они, должно быть, отравили меня, подсыпали яд, гнусное отродье! Но ничего, еще не все потерянно, я обязательно возвращусь и лично воздам каждому, я подвергну сволочей таким изощренным пыткам, что те кусочки, что после них останутся, будут годны лишь на корм хрякам. Я колесую их, наматаю кишки на шеи и повешу, выжгу клеймо, сдеру кожу и скормлю их же родственникам, они будут у меня землю жрать и экскременты, я буду резать их, убивать, воскрешать и вновь убивать, сажать на кол, пить их кровь,

они поплатятся за совершенное святотатство, убудки! – звериная ярость клокотала в нем, переполняла, неудержимо рвалась наружу. Некра взирала на него в немом изумлении, искорки растущего восхищения зажигались в ее очах, выглядело это так, словно светящиеся пузырьки поднимались со дна отражающихся друг в друге карих омутов.

– Теперь все будет по-другому, великодушные губительно разлагает дисциплину!

Сандр и сам не заметил, как вновь оказался подле Некры.

– И тогда я непременно ворочусь за тобой, плевать мне на какие-то там законы! Нет, я возьму тебя прямо сейчас, к чему ждать?! Никто не смеет приказывать мне!

Он обхватил Некру и впился в заветные губы.

Все мистические наслоения сметены неудержимым любовным тайфуном, Сандр обладал объектом давнишнего вожеления, ни как идеалом, ни девушкой, ни личностью, а будто вещью, словно во сне, не отдавая отчета о сути происходящего, ни о последствиях, упоенно, слепо, неистово.

Сгибались и раскручивались ходы, аморфные массы сталкивались, пробуждая вспышки эмоций, фигура Привратника пошла трещинами и, крошась, распалась, сквозь поблекшие облака проглядывали колючие звезды, очертания предметов таяли, становясь зыбкими, бытие стремительно утрачивало реальность – Грезящий пробуждался.

Сандр насытился.

– Я действительно была той безвинной виновницей, жертвой обстоятельств, которой довелось слишком многое испытать в то злосчастное время, – проговорила потрясенная Некра, волосы ее разметались, стройные сильные ноги переплетены вокруг бедер любовника. Грудь Земли тяжело ходила ходуном, клокоча в недрах магмой, но дыхание Грезящего уже выравнивалось.

– Племянница хана, обласканная и ни в чем не испытывавшая нужды с пеленок, ей тем не менее было отказано в одном, но главном – праве на любовь, свободу выбора, распоряжаться собой. Будучи последней в долгой очереди за счастьем, обреченная стать увядшей вдовой завистливо ждущей среди звонкого детского смеха, покуда в шатре последнего из старших братьев не закачается колыбелька, чтобы быть сосланной куда-нибудь на окраину в целях скрепления союза с очередным племенем, и видеть открытое презрение, жалость и измены молодого мужа. В ее пылкой гордой душе с трудом уживались две крайности – бушующая жажда страсти и холодная ненависть от безысходности. Так шли годы, когда она однажды повстречала солщеликого отважного батыра, сына одного из вассальных каганов – унылая тайга зазеленела, всюду распускались струящиеся медом цветы, и птицы, перелетая с ветку на ветку, повсюду щебетали, неся радостную весть о сладкой потаенной любви среди края вековых сосен и голубых прохладных озер.

Тот юноша так же не был первенцем в суровой семье, а потому, узнав о зародившемся плоде чрева моего, убоился и отступил у последней черты, оттолкнул и укрылся, хоть не по годам смел и развит был. Вот тогда-то отвергнутая, на ударе ножа от разоблачения, она просто взбунтовалась, посмела открыто бросить вызов старинным обычаям, которые считала несправедливыми и истязующими. Разгорелся ужасный скандал, комом, пущенным с горы, стремительно вскрывались ранее замалчивавшиеся тайны, измены, неблагоприятные поступки; недовольные поднимали головы, амбициозные плели интриги, а подлые пользовались воцарившейся смутой. Жуть, я помню реки крови, текущие по ступеням теремов, хлопающие пологи шатров, порванные одежды, звенящие в мозгу вопли, звериный оскал на лице ближнего, пылающие жилища и пылающую тайгу...

Она заплакала и повернулась спиной, прижав колени к подбородку.

– Не надо, не вспоминай, – Сандр неловко коснулся холодного плеча ненаглядной.

– Нет, ты не понимаешь, я *должна*, – промолвила Некра, вдруг успокаиваясь. Голос ее обрел твердость гранита, и остроту стали, перед ним была другая ипостась нежной любовницы и жизнерадостной подруги – неистовая богиня мщения.

– Я убила его, заколола прямо на супружеском ложе с другой, и кровью их совместных детей вымазала себе лоб и щеки. О, я познала такое, что обычной избалованной глупышке из сераля не привиделось бы и в наркотическом бреде! А потом... потом меня пронзили стрелами, подняли на копья и сожгли еще дышащую, а по головешкам пустили табун легконогих оленей. Но это был не конец. Я претерпела странные метаморфозы. Может, растворилась в чем-то беспощадном и давно ждущем, была поглощена, добавлена штрихом к щерящемуся портрету. Или, наоборот, обрела те силу, независимость и власть, которых была достойна. Я не знаю сама. Прости.

Он обнял ее и поцеловал в мочку уха.

– Это не имеет значение, любимая.

Помолчав, он добавил:

– Теперь мне необходимо обратно.

Она быстро обернулась, прочерченные слезами дорожки искрились брильянтами, но губы уже озорно улыбались:

– Хочешь, я подарю тебе костяную колесницу, запряженную четверкой рогатых лошадиных скелетов, в глазницах у них – вращающиеся сферы из потусторонней материи, дарующие им жизнь и умение летать; доспехи из теменных костей героев, да шлем вырезанный из бивня мамонта?

– Благодарю, но думаю, что обойдусь без излишеств и ухищрений. Я совладаю с недругами собственными силами.

– Конечно, так и будет, милый, я лишь подтруниваю. Я уверена в тебе, и в то, что справедливость не может не свершиться. Ты точно решил уйти?

– Да, и желание мое отомстить послужит путеводной нитью отсюда, откуда просто не существует выхода!

– Тогда обещай мне, поклянись мне любимый, что разыщешь Вету, бросишь в мои карающие объятия. Низвергнешь в Дом этот того, кто лишил меня последней радости – моего дитя?

Сандр взял ее ладонь в свою, и с чувством сжал тонкие пальцы, ответное пожатие так же было сильным.

– Я клянусь! Обещаю, что так неминуемо и случится. Нету для меня большей радости, чем послужить возлюбленной даме, так пленившей мое сердце. Но и ты хорошенько запомни – подле тебя есть место лишь для меня одного.

– Возможно, – молвила девушка, когда Сандр исчез. – Чтобы перемещаться между мирами, нужно быть явной аномалией не принадлежащей, не привязанной ни к одному из них.

– Возможно, – снова повторила она задумчиво совсем другим голосом, – что все еще и сложится как нельзя более удачно, – и хозяйка Чертогов Гнили смежила свои прекрасные очи, но она никогда не спала.

Неожиданно кругом возник сумрачный лес, и тут же исчез. Некра, вроде бы что-то еще говорившая, тоннели – все стало расплывчатым, вновь появился и пропал лес. Картинка, наконец, встала на место – то действительно были на редкость неприветливые, прямо сочащиеся влажностью дебри, и Сандр покоился на охапке валежника, в ногах и изголовья курились треножники, а его обнаженное тело покрывали нарисованные углем магические знаки. В поле зрения возник скорбный лик с впалыми щеками и темными кругами под глазами.

– Возьми это и съешь, – промолвил Дмитр, заталкивая грязными пальцами какой-то корень в рот Сандра. – Это придаст тебе сил.

Несмотря на удивление Сандр не преминул съязвить:

– Чего ж так банально?

– Ишь ты! Ну, хоть бы малость изменился. Ты кого ожидал увидеть – хор мальчиков-кастратов, ярмарочный фейерверк и парад в свою честь? Или бы ты предпочел оказаться в теплых объятиях своих ненаглядных эскулапов, так знай – всех их знаний не хватило бы сотворить то, что дается милостью Грезящего его смиренным слугам. То, что я дал тебе, могло быть и яблоком в протянутой руке, и волшебным зельем, и амулетом. Суть не в этом. Данное – лишь символ твоего желания, возвратившись, жить.

– Ладно, хватит, предостаточно – убедил, – Сандр выплюнул горькую кашицу. – Просто вот уж кого не ожидал первым увидеть, так не ожидал. Выходит, сюрприз получился... Раз так, поведай же, не медля, в подробностях, что случилось?

Дмитр устало опустил на корягу. Он заметно осунулся с их последней встречи и потерял значительной доли представительности.

– Сделав черное дело, они для проформы обвинили послов в вероломстве и казнили. Затем разграбили и предали огню то, что приняли за Мор. Или же то, что им хотелось принять. Разобравшись таким вот образом с делами, армия под водительством самопровозглашенного гегемона Рея под восторженные песнопения повернула назад, кинув тебя здесь, в наспех вырытой яме, словно смерда чумного, без должного погребения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.